

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

к учебной дисциплине «Основы геополитики и геостратегии»

Тема 4.

Основные подходы к геополитическому структурированию мира

Вопрос 4.2. Цивилизационное развитие мира и концепция

С. Хантингтона

На каждом новом историческом этапе происходит смена геополитических парадигм, которые отражают новые явления, приводящие к изменениям на геополитической карте мира. Геополитические парадигмы – это особые мировоззренческие каноны геополитического мышления, определяющие роль и значение присущих каждому этапу форм завоевания пространства и контроля над пространством и ориентирующие политиков и экспертов на восприятие соответствующей геополитической картины мира и различных аналитических стратегий. В наиболее широком смысле *парадигмы* представляют собой комплексы основополагающих представлений о государстве, обществе, индивиде и служат ориентации в социальной действительности.

В истории геополитической отрасли знаний выделяют *основные парадигмы*, последовательно сменявшие друг друга на различных этапах истории: *а)* национально-государственную; *б)* идеологическую; *в)* цивилизационную.

Сменив национально-государственную, идеологическая парадигма и противостояние двух систем существовали в период с 1917 до 1991 гг. Определяющим фактором геополитики на том этапе являлось *столкновение идеологий*. С окончанием холодной войны: в конце XX – начале XXI в. на смену идеологическому противостоянию пришли цивилизационные различия, способные стать причиной конфликтов (*столкновение цивилизаций*) либо привести к утверждению единой планетарной цивилизации. Распространилась цивилизационная парадигма мироустройства.

Осмысление новой планетарной реальности привело геополитиков к моделированию двух принципиальных схем проектирования мира. Сторонники оптимистической схемы отошли от атлантизма, считая, что победа Запада является окончательной и бесповоротной. На этом основании выстроились теория «мондиализма», а также концепции *Конца Истории* и *Единого Мира*. Приверженцы данной схемы утверждают, что все формы геополитической дифференциации – культурные, национальные, религиозные, идеологические, государственные и т. д. – на нынешнем этапе будут преодолены и наступит эра *единой общечеловеческой цивилизации*, основанной на принципах либеральной демократии. Проект ассоциируется с именем американского геополитика *Фрэнсиса Ф. Фукуямы*, написавшего программную статью «Конец Истории».

Вторую схему мироустройства называют пессимистической. Она применяется к традиционной для атлантизма линии на противостояние с Хартлендом, несмотря на то, что нет уже мировой социалистической системы, Варшавского договора, СССР, а странами НАТО стали вчерашние союзники СССР – Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния и др. Наиболее ярким представителем этого направления является американский политолог и геополитик *Самюэль Хантингтон*.

На рубеже XX и XXI вв. появилась новая версия атлантизма – концепция неатлантизма, известная как *«американская гегемония нового типа»*. Она подробно

изложена в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы».

Наиболее острую дискуссию вызвала геополитическая концепция «конца истории». Вдохновленный началом распада социалистического блока, Ф. Фукуяма построил ее на утверждении, что преодоление холодной войны означает конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира.

Действительно, после распада СССР подобное предвкушение эйфории было распространено как в «новых независимых государствах» (ННГ), так и на Западе. Иллюзия наступления всемирной гармонии продолжалась недолго. Победа идеи либеральной демократии, если и наступит, то по времени более отдаленно, чем об этом писал Ф. Фукуяма. Свидетельство этому – операции США в Ираке и Афганистане, этно-религиозное противостояние, непрекращающиеся акты международного терроризма. Они выявили неспособность выбора пути развития без помощи силы.

В противовес основной концепции «конца истории» вышла статья и позднее книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Идея книги: центральным и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций. С. Хантингтон в отличие от Ф. Фукуямы – сторонник полицивилизационной модели; считает, что конец истории далек и конфликт будущего может разгореться между различными цивилизациями. Он утверждает о наивной глупости считающих, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, что мусульмане, китайцы, индийцы и др. народы ринутся в объятия либерализма как единственной альтернативы. Фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – останутся и становятся причиной новых конфликтов. События с начала 1990-х гг. подтверждают его высказывания. Конец истории по Фукуяме оказался иллюзией. По Хантингтону мировая система и впредь складывается из государств с различными режимами, поскольку включает в себя различные культуры.

О «столкновении цивилизаций» еще в 1947 г., написал один из последователей цивилизационного подхода британский историк А. Тойнби в трактате «Цивилизация перед судом истории» Он предвидел «столкновение цивилизаций» в перспективе и предсказал сглаживание противоречий между западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями к 4047 г.

Как американца, С. Хантингтона волнует проблема культурных и религиозных различий в самих США. Он пишет, что Советский Союз и Югославия распались потому, что они существовали на цивилизационных линиях разлома – в ситуации, аналогичной Соединенным Штатам Америки, поскольку США не есть национальное государство в классическом смысле, «США, скорее, идеологическое государство».

В конце 2001 г. в статье «Эпоха мусульманских войн» С. Хантингтон заявил, что «за мусульманскими войнами стоит не природа исламской доктрины и веры, которую, подобно христианству, приверженцы могут использовать для оправдания войны или мира по своему усмотрению. Причины современных мусульманских войн кроются в политике, а не в 700-летней религиозной доктрине». Позже он уточнил, что не считает ислам более агрессивным, нежели любая другая религия.

С. Хантингтон, взгляды которого позитивно, критически либо модернизационно воспринимают все современные концепции глобального прогнозирования международных отношений, предложил актуальный раздел цивилизаций мира, к которым как высшим стадиям самоопределения причислил следующие цивилизации: 1) китайскую; 2) японскую; 3) индийскую; 4) исламскую; 5) славяно-православную; 6) западную; 7) латиноамериканскую; 8) африканскую. При этом Хантингтон заключает, что западная цивилизация это – Европа (внеправославная), Северная Америка и «пространства, заселенные европейцами как Новая Зеландия и Австралия».

Перспективу единой цивилизации – «глобальной», «повсеместной», «универсальной» либо иначе – «постмодернистской» (какой видел ее Ф. Фукуяма) Хантингтон считает необоснованной, следствием методологической ошибки прогнозирования. Ибо отметим, постмодернисты, признающие наступление эры глобального «человечества», сознательно или нет под «универсальной» цивилизацией усматривают западную.

Вопрос 4.2. Центростремительные тенденции в мировой политике

Название нашего времени – «постхолодновоевропейский период» – ничего не говорит о его содержании. Между тем в 1990-х гг. (и даже раньше) стала характерной постоянно растущая тенденция к экономической интеграции. Сегодня она значительно усилилась. На конфигурацию и характер международной системы оказывают все большее влияние следующие факторы: а) динамика мировой экономики, которая усиливает нестабильность и трудности внутри государств и в отношениях между ними; б) быстрый рост транснациональных связей и образование на их основе новых форм коллективного принятия решений при участии государств, межправительственных организаций и международных групп давления; в) бурное развитие и наращивание транснациональных систем коммуникаций; г) распространение военных технологий, которые становятся постоянным элементом современной мировой политики, и др.

Экономическая интеграция помогает стягивать своим «обручем» в единую систему и мировую политику. В ней проявляются *центростремительные тенденции* столь же сильно, как в экономической сфере. И это – основная особенность современного мироустройства. Политические интеграционные процессы усиливаются прежде всего через образование множества международных межгосударственных и неправительственных организаций. По существующим данным, в середине 1980-х гг. в мире насчитывалось более 1 тыс. межправительственных организаций. Ведущие державы на регулярной основе участвуют в работе более 100 межправительственных организаций. Например, Дания является членом 164 организаций, Франция – 155, Великобритания – 140, США – 122, Канада – 110, Япония – 106, Бразилия – 100 и т. д. В течение сравнительно короткого периода после окончания Второй мировой войны были созданы ООН, НАТО, ГАТТ, МВФ, Всемирный банк, ныне прекратившие существование СЭВ и Варшавский пакт, заложены основы Европейского союза и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Рост и обилие международных организаций дает не только ощущение, но и подтверждает реальное участие большинства стран именно в мировой политике.

Еще в 1948 г. при ООН создана специальная организация – ЮНЕСКО, занимающаяся проблемами развития культуры и науки. В 1972 г. образована специальная организация при ООН – ЮНЕП для разработки и осуществления мер по сохранению среды обитания.

Особое место заняло Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и сохранить развитие атомной энергии в мирных целях.

Немаловажную роль в современном мире играют такие объединения, как Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация «Исламская конференция» (ОИК) и др. Формируется североамериканская зона свободной торговли (НАФТА; США, Канада, Мексика). В 1989 г. организован Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АПЕК). В Азии действуют Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатский банк развития (АзБР) и др. Количество таких организаций постоянно растет, расширяются функции уже существующих.

Все большие масштабы приобретает транснациональное сотрудничество политических партий разных стран. Руководители партий различных идеологических ориентаций прилагают усилия по их консолидации и координации на международном уровне, стремятся придать партиям наднациональный характер и выработать общие для всех идейно-политические принципы и установки.

Наиболее успешные центростремительные объединительные процессы переживает Европа. В 1993 г. в Европейском союзе (ЕС), включившем 12 наиболее развитых стран региона, практически устранены барьеры для свободного перемещения людей, товаров, услуг и капиталов. В рамках политической интеграции сформировались европейские партии – Европейский социалистический союз, Европейская народная партия, Федерация либеральных и демократических партий ЕС, Европейские демократы прогресса и др. К процессу европейской политической интеграции подключились страны Средней Европы.

Влиятельным фактором мировой политики стали ежегодные совещания «Большой семерки» (G-7, Г-7) – семи индустриально наиболее развитых стран – США, Германии, Франции, Великобритании, Японии, Италии и Канады – по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам. По месту проведения первой такой встречи, состоявшейся в 1975 г. в Рамбуйе близ Парижа, она иногда именуется Клубом Рамбуйе. Главное внимание на совещаниях Г-7 уделяется обеспечению экономического роста, сглаживанию несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляции, безработицы и т. п. Все больше она стала заниматься военно-стратегическими и внешнеполитическими вопросами.

Справочно: Клуб Рамбуйе в течение 17 лет функционировал как Большая восьмерка – с включением России. Но в наказание за присоединение Крыма весной 2014 г. российского президента временно исключили из элитарного клуба, а запланированное в Сочи заседание перенесли в Брюссель. Аргумент для исключения назвала канцлер Германии А. Меркель: Клуб Рамбуйе – это «не только экономическое сообщество, но и сообщество, разделяющее общие ценности, к которым в обязательном порядке относится соблюдение международного права, уважение прав суверенных государств самим определять свою судьбу».

Помимо суверенных национальных государств активными *субъектами международных политических отношений* становятся транснациональные акторы в лице различных организаций, объединений, институтов, оказывающие влияние на характер и тенденции центростремительных процессов в мировой политике. Значительную роль приобрели транснациональные корпорации (ТНК), существенно влияющие на развитие мирового сообщества. Иногда их решения сказываются на жизни граждан отдельных стран в большей степени, чем правительственные вердикты. Транснациональные акторы

преследуют одинаковую цель: определить комплекс правил поведения различных государств в рамках мирового сообщества. Они устанавливают принципы сотрудничества и разрешения конфликтов, предотвращения войны и обеспечения глобального экономического роста.

К началу XXI в. все международные объединения подверглись трехступенчатой иерархизации. Они исполняют свои полномочия на *а)* всемирном, *б)* региональном и *в)* субрегиональном уровнях. Одна их часть объединена по географическому принципу, другая – по функциональному. Из-за этого иногда говорят о существовании не одной, а двух систем международных организаций. Первая система – это универсальная система ООН, в которой (по географическому принципу) участвуют все государства, причем на равных правах, за исключением Совета Безопасности. Вторая система – ограниченное членство, она объединяет индустриально развитые страны, приверженные принципам рыночной экономики и политической демократии. К ней относятся НАТО, ЕС, ОЭСР, НАФТА и возможно некоторые другие.

Первая система международных организаций формально открыта для всех государств. Но фактически даже Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ВТО), входящие в систему ООН, находятся в руках индустриально развитых стран. Центростремительные тенденции в мировой политике все более лишают часть государств равенства их прав на международной сцене. Особую роль с этой точки зрения играет Г-7, в которую практически закрыт доступ слабо- и среднеразвитым и малым странам. А между тем, она во многом определяет основные параметры глобального развития современного мира.

Таким образом, за последние два-три 10-летия произошло наращивание центростремительных, интеграционных политических процессов, которые втягивают в свою орбиту все государства мира, независимо от их воли и желания. Но тенденция к сближению стран и народов через их интегрированные объединения лишь в малой степени свидетельствует о процессах их единения и сглаживания противоречий.

Вопрос 4.3. Влияние глобализации на современную геополитику

Современное общество совершенно меняет очертания из-за перехода в качественно иную – постмодернистскую реальность (постиндустриальное или информационное общество). Двигателем этой трансформации оказались процессы *глобализации*, начавшиеся в экономической сфере.

Справочно: настольная энциклопедия Britannica определяет, что с помощью процессов глобализации «образ жизни, распространение товаров потребления и идей становятся стандартизированными по всему миру».

Глобализации способствовал ряд факторов: все улучшающиеся технологии коммуникаций, транспорта и услуг, массовая миграция и переселение народов, уровень экономической активности, перерастающий национальные рынки в результате объединения промышленных и коммерческих групп. Глобализацию нормативно закрепляют международные соглашения; цель таких соглашений: сокращать расходы на ведение бизнеса за рубежом.

Процесс глобализации экономической сферы ожидаемо распространился на области политики, культуры, социального структурирования. Глобализация приблизилась к

всеобщему охвату всех сторон и процессов мировой экономической, политической, социокультурной и духовной сфер. Но достижение сулящих от глобализации преимуществ для компаний и народов не везде и не всегда превращается в факт. Существенные различия в уровне развития и жизни стран и народов, в их культуре, в масштабах национальных цен, в системах законодательства, а также манипулирование национальными ценностями и интересами, иногда поверхностные надежды правительств и народов на самосрабатывание глобализационного эффекта приводят к непоправимым осложнениям.

К началу XXI в. экономическая глобализация вызвала важное, но недостаточно изученное явление: образование так называемого суперконгломерата, состоящего из узкой группы финансово-кредитных учреждений и транснациональных корпораций, владеющих львиной долей мирового «экономического пирога», от которого остальным достаются крохи. Суперконгломерат, насчитывающий по данным специалистов Швейцарского федерального технологического института (Цюрих) лишь 147 компаний, через систему дочерних организаций и аффилированных структур сосредоточил около 60 % общемировых доходов. Это превращает его в мировое финансовое правительство. И в этом нет абсолютно никакой конспирологии, только констатация сложившейся реальности.

Но полной реализации глобальных проектов и инициатив суперконгломерата сегодня мешает выстроенная еще в эпоху модерна политическая архитектура с ее узкими рамками национальных государств. В этом плане нынешнее объединение государств в ВТО рассматривается мировым финансовым правительством как полумера и временный компромисс. В постмодернистской перспективе должны быть ликвидированы национальные экономические структуры и институты – то, что сегодня усложняет свободное передвижение товаров, рабочей силы и капитала.

Целям суперконгломерата не соответствует и сохранение на планете национально-культурной и идеологической отличительности. На устранении этой «проблемы» задействованы мировые СМИ, направляющие поток мультикультурной общности. По большому счету этот поток обесценивает культурное наследие, разрыхляет национальную идентичность, замутняет историческую особенность народов. Именно эти препятствия для дальнейшей глобализации (экономической, политической, культурной), по версии идеологов мирового финансового правительства, должны быть окончательно «сняты» с помощью разворачивающейся на наших глазах постиндустриальной трансформации.

В процессе этой трансформации происходит смена цивилизационных основ жизнеустройства, а глобализация выступает инструментом внедрения нового миропорядка. Она призвана помочь постиндустриальной трансформации изменить обличье мира так, как это было на иных этапах истории, например, в эпоху великих географических открытий, положивших начало и новой истории, и всемирной истории одновременно. И вот сейчас снова всемирная история вступает в качественно новую – глобалистскую фазу своего развития. Подобно тому, как ранее модернизация охватила почти весь мир, так сегодня глобализация выступает как мегатренд, *подавляющий всякое иное* на пути к новому миропорядку.

Она уже вызвала к жизни глубокие изменения в геополитических структурах мирового сообщества и трансформацию социально-политических систем. Они проявились в том, что: ● во-первых, в результате информационно-телекоммуникационной революции в промышленно развитой зоне мира постиндустриальное общество трансформируется в

информационное общество; ● во-вторых, эта революция стимулирует смену социально-политической парадигмы; ● в-третьих, вместо евроцентристского мира, в котором доминирующие позиции занимала западная рационалистическая цивилизация, складывается мировое финансовое правительство, контролирующее мировое сообщество и внедряющее мультикультурную общность вместо плюрализма народов, культур, религий; ● в-четвертых, с распадом СССР и социалистического содружества закончилась эра двухполюсного миропорядка, основанного на инфраструктуре холодной войны.

Словом, глобализация меняет геополитическую картину мира. Но в каком направлении? Ответ напрашивается сам: в интересах объединений индустриально развитых стран и ведущих транснациональных корпораций. Значит, политическая составляющая глобализации в своей основе оказалась отрицательной.

К расшатыванию геополитических устоев мира ведет усиленное глобализацией неравенство. Сегодня даже Всемирный банк признал неравенство глобальной проблемой. Круг задач по ее преодолению простирается от элементарной борьбы с бедностью до вопросов безопасности мировой политики. Тенденции усиления общественного неравенства уже приобрели геополитический формат, поскольку большинство государств ощутили снижение способности к сопротивляемости внешним факторам. Эти тенденции касаются как западных обществ благоденствия, уровень обеспечения в которых ранее казался надежным, так и пороговых стран, стремящихся вырваться из капиталистического общества бедности, олицетворяемого Югом.

Политика маневрирования ценностями и интересами в условиях глобализации и регионализации мира несет как конструктивные начала, так и угрозы реальной субъектности государств. В этой связи принципиально важным для выработки верных геостратегических направлений является правильное понимание и оценка структуры современного глобализированного мира: он – многополюсный или многомерный? Видение мира только как «многополюсного» после крушения двухполюсной мировой системы стало уже традиционным, но является ли оно адекватным?

Ответ не однозначен. С одной стороны, в логике классической геополитики XX в. старые (США) и новые центры мировой силы (Евросоюз, Новый Восток) сохраняют позиции гегемонии или лидерства. Они олицетворяют «вертикальную» иерархию мира; ее суть – претензия группы держав (G-7) на руководство миром методами “*hard power*” («жесткой силы»). «Большие государства поступают так, как им вздумается, а малые – так, как им велит необходимость», – мудро подметил Фукидид.

С другой стороны, иницирующий глобализацию суперконгломерат после преодоления холодной войны все чаще прибегает к стратегии “*smart power*” («разумной силы»). Это понятие означает синтез «жесткой» и «мягкой» силы. Обе формы взаимосвязаны и нуждаются друг в друге. В наше время они приобрели в принципе равновесную стратегическую значимость. Значит, на смену приходит не «многополярный», а многомерный, сетевой, взаимосвязанный мир. Многополярность – это претензии государств-гигантов. А с учетом влияния суперконгломерата он становится многомерным.

Для позиций средних и малых государств многомерный мир – это вероятный бонус к росту их значимости. Дело в том, что в сетевом мире потенциальная эффективность государств, удачно использующих «разумную силу», их способность к стратегическому выбору и маневру заметно возрастают – иногда почти независимо от их геополитического

веса. Многомерный, сетевой, взаимосвязанный мир строится уже не только на условиях, продиктованных несколькими мировыми центрами силы, но и на силе вовлеченных в интеграцию государств.

Общий вывод: современные изменения, взятые в совокупности, говорят о *начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений*. Они означают, что мы вступили (или вступаем) в эпоху многомерного мира. Баланс мощи может меняться в пользу развивающихся стран, и отныне в лидеры выйдет тот, кто на основе стратегии “*smart power*” сумеет найти оптимальные решения для реализации актуальных глобальных, региональных и локальных проблем.

Тема 5.

Постсоветское пространство и его место в геополитическом развитии мира

Вопрос 5.1. Распад СССР и его влияние на положение советских республик

В советский период понятие «геополитика» использовалось для негативной оценки внешнеполитической стратегии ведущих стран Запада и большинства теорий международных отношений, выдвигаемых немарксистскими исследователями. В период перестройки геополитика как самостоятельная сфера внешнеполитических исследований стала отвоевывать позиции. А с распадом СССР она была окончательно реабилитирована и заняла соответствующее место в сфере международно-политических исследований и стратегического прогнозирования. Наступил даже ее настоящий ренессанс, или бум интереса к геополитической проблематике.

Формирование, содержание и характер геополитических идей в постсоциалистическом мире определил тот факт, что распад СССР и образование новых постсоветских государств дали мощный импульс перестройке современного мироустройства, совпав по времени с переломным моментом этой перестройки. Стремительное разрушение, казалось, созданного на века громадного централизованного государства продемонстрировал несостоятельность идеала государственности с идеологией марксизма-ленинизма в своей основе.

Советская идеологическая доктрина оказалась бессильной и даже стала предпосылкой крушения СССР. В процессе перестройки было пересмотрено содержание ключевых социально-экономических понятий, таких как власть, демократия, партия, патриотизм, рынок, социализм, экономика и др. В результате произошел когнитивный взрыв огромной мощности, полностью разрушивший советскую идеологическую доктрину.

Территория многовековой империи оказалась разорванной на множество фрагментов, как по линиям государственных границ, так и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Вслед за распадом Советского Союза и Россия столкнулась с угрозой балканизации. Сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем. Она «зацепляла» и другие постсоветские страны. Поэтому возрождавшаяся геополитика с самого начала стала объектом острых идейно-политических дискуссий, споров и столкновений. Они концентрируются вокруг проблем расстановки сил на глобальном уровне, геополитического расклада на

постсоветском пространстве, роли и статусе России в современном мире, сверхдержавности, великодержавности, центре и периферии в мировой политике и т. п.

Проблема перехода (*транзита*) от одного политического режима к другому оказалась ведущим исследовательским направлением в геополитике. Охвативший восточный блок период трансформаций обозначается С. Хантингтоном как волна демократизации, т. е. – «группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период». Он рассматривает эволюцию волны демократизации только как подчинение внешним факторам, вытекающим из демократизации мировых политических систем. Но не изучена модель транзита, в процессе которого происходят а) территориальный распад государства и б) параллельная демократизация всех форм жизни общества. Между тем, распад советской политической системы как раз характерен сочетанием двух процессов: внешнего и внутреннего.

В европейских странах соцлагеря процессы демократизации политических институтов названы «бархатными революциями». Их итогом стала замена коммунистической номенклатуры на демократические (ранее оппозиционные) элиты. В отличие от СССР период смены элит в странах Восточной Европы не затронул их государственную целостность (исключая Югославию). В Советском Союзе период демократической трансформации продолжался до декабря 1991 г., причем с постоянным усложнением. Конфликт союзных органов государственной власти и региональных республиканских элит в августе 1991 г. фактически вылился в занятие лидерами союзных республик позиций самостоятельных акторов процесса демократизации. Из федеративного государства СССР превращался в конфедеративное. Историческим итогом конфликта Центра с союзными республиками стал территориальный распад федеративного государства. Выработанный в Вискулях документ предопределен объективным процессом крушения СССР и понадобился как форма «цивилизованного развода» союзных республик.

В качестве концептуальной идеи прекращения Союза ССР как геополитической реальности и субъекта международного права С.П. Хантингтон принимал тезис о генетической неспособности эффективного и рационального функционирования советской политической системы. Но в реальности распад СССР надо рассматривать как результат слияния двух факторов – а) объективно назревших условий и б) субъективных предпосылок, созданных действиями советского руководства.

Иллюстрацией отказа от советского наследия явилось рождение в начале 1990-х гг. термина «*постсоветское пространство*». Он имел двойное значение: с одной стороны, олицетворяя идеологическое крушение советской империи, в мире воспринимался как имя нарицательное, но с другой, подчеркивал территориальную общность государств – выходцев из этой империи. Вместе с названным термином родился длинный ряд связанных с ним более узких по смыслу концептов: «единое экономическое пространство», «единое информационное пространство», «единое научно-технологическое пространство», «единое социально-экономическое пространство», «единое оборонное пространство», «единое культурное пространство», «единое таможенное пространство», «единое платежное пространство», «единое гуманитарное пространство» и т. п.

Итак, распад СССР привел к потере геополитической идентичности составляющих его советских республик, имевших до этого общую систему целей, политических и

социально-экономических программ, общие внешние угрозы. Данная идентичность скреплялась идеологически. Но коммунистическая идеология потерпела крах, продемонстрировав свою несостоятельность. На волне разрушения идейных основ государства происходило усиление местного (удельного) влияния элит союзных республик. Их усилиями и была осуществлена государственная дезинтеграция СССР.

Вопрос 5.2. Геополитическое положение субъектов СНГ

Несмотря на вековое сосуществование в рамках одного государства, в республиках бывшего СССР победили дезинтеграционные политические процессы. Их нельзя объяснить только историко-культурными факторами (концепцией «столкновения цивилизаций») или экономической зависимостью от России. В их основе лежит соотношение политических сил и позиция государственных элит.

В Москве и других постсоветских столицах, прежде всего в Киеве, будущее СНГ сегодня видится совершенно по-разному – как реинтеграция и «цивилизованный развод», соответственно. Независимость бывших союзных республик глубоко изменила статус в прошлом провинциальной элиты. Ее объединяют экономические, культурные и исторические особенности, модель «постсоветского капитализма» и обусловленные ею политические и психологические пристрастия. Но также присуще стремление сохранить независимость, а потому в значительной степени тревожит возникновение в СНГ интеграционных тенденций, способных привести к созданию наднациональных структур и восстановлению российской гегемонии в новой форме. В результате некоторые страны поддерживают интеграционные тенденции (Россия, Беларусь, Казахстан, отчасти другие центрально-азиатские государства и Армения), а остальные (Украина, Азербайджан, Молдова, Туркменистан, не говоря уже о Грузии) предпочитают отношения на двусторонней основе.

Более 20 лет существования СНГ характеризовались не интеграционными экономическими проектами, а переориентацией новых независимых государств (ННГ) на других политических игроков и экономических партнеров. В первом 10-летии XXI в. экспортные поставки внутри СНГ составляли лишь около 17-19 % совокупного экспорта входящих в него стран. Импортные закупки государств СНГ друг у друга с 2000 по 2010 гг. снизились с 46 до 26 % от общего объема их импорта. Даже у России товарооборот со странами Содружества в 2010 г. составлял 14,6 % от совокупного показателя, а ее крупнейшим торговым партнером был ЕС (49 %).

СССР был единой экономической системой – пусть и недостаточно эффективной из-за доминирующей роли в ней государственного планирования. Его распад стал не только геополитической, но и геоэкономической катастрофой для бывших республик. После обретения независимости ННГ столкнулись с необходимостью самостоятельного удержания стремительно рушащихся связей и поиска новых внешних источников для поддержания своих экономик.

Страны Балтии выходили из этой ситуации путем максимально быстрой либерализации своих экономик и переориентации на европейский рынок. Это принесло им успех, его институциональным измерением стало вступление балтийских государств в Европейский союз. Они и сейчас продолжают сталкиваться с экономическими трудностями

(особенно, Латвия и Литва), отчасти вызванными особенностями выхода из советского прошлого. Но это не отменяет принадлежности балтийских государств к единой европейской экономической системе. По сути, единственным связующим с СНГ моментом является энергетическая зависимость стран Балтии от России, которую они активно пытаются преодолеть. Балтийские страны уже однозначно нельзя рассматривать как объект реинтеграции постсоветского пространства. Это – отрезанный «ломоть».

Иная ситуация складывается в географических границах Содружества Независимых Государств. Оно было призвано сохранить всевозможные связи и механизмы сотрудничества при СССР. Однако вскоре стало очевидным, что СНГ не способно стать больше, чем инструментом «цивилизованного развода» бывших советских республик. Так охарактеризовал историческую роль Содружества в 2005 г. президент России В. Путин (с неохотой оставив ельцинские попытки придать СНГ роль реинтеграционной структуры под эгидой России). Сегодня его деятельность фактически сводится к проведению встреч и переговоров на высшем уровне. Их договоренности, как и подписанные документы, как правило, не выполняются. Это стало одной из причин угасания интереса лидеров СНГ к подобным мероприятиям. СНГ уже не может стать объединительной основой для политического и экономического сотрудничества между постсоветскими государствами.

Надежды на возрождение реинтеграционного потенциала СНГ возросли с приходом к власти постсоветских президентов «второго поколения» (Кучма в Украине, Алиев в Азербайджане, Лучинский в Молдове, Шеварднадзе в Грузии). Дистанцируясь от предшественников, чья политика оценивалась как чересчур «националистическая», они тем не менее продолжали следовать логике построения национальной государственности. Но из-за слабого геополитического веса государств-участников не получила перспектив их интеграционная платформа ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова), образованная в 1997 г. (Узбекистан покинул ее в 2005 г., после «цветных революций», в результате чего из этой аббревиатуры исчезла одна буква «У», а с 2006 г. она называется «Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ»). Союз создан с единственной целью – снизить влияние России на постсоветском пространстве. В его основе – идея создания альтернативы российским источникам энергопоставок и маршрутам их транспортировки из Прикаспия в Европу. Организация получила поддержку Запада и расценивалась некоторыми аналитиками как «антипод» пророссийским реинтеграционным структурам. Москва посчитала ГУУАМ антироссийским объединением. В 2001 г. страны-участницы подписали Хартию ГУУАМ. Но альтернативный энергетический коридор не был создан, и организация остается аморфной, функционирует инерционно и пассивно. Постепенно большинство членов организации потеряли к нему интерес. Объединительный потенциал группировки оказался практически исчерпанным.

Еще меньшую дееспособность продемонстрировало Содружество демократического выбора (СДВ), учрежденное в Киеве при поддержке Запада в 2005 г., после «оранжевых революций». Его цель – создание «сообщества демократий балто-черноморско-каспийского региона», а соучредителями выступили Украина, Молдова, Грузия, три балтийских государства, Словения, Македония и Румыния. Ключевую роль в будущем СДВ сыграло развитие событий в Украине, а там «оранжевые» вместо проведения реформ погрязли в борьбе за власть. В результате эта инициатива оказалась недолговечной.

В настоящий момент на постсоветском пространстве создано несколько организационных объединений под эгидой России, которые собирают «желающих» и оставляют за бортом скептиков интеграции. Речь идет об Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийском Экономическом Сообществе (ЕврАзЭС), Едином экономическом пространстве (ЕЭП), Таможенном Союзе (ТС), Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Среди них ОДКБ является чисто военной организацией.

Определяющим фактором белорусско-российских отношений стал геополитический контекст, имеющий особенности. Сближение двух стран происходило в международной среде, которая определялась расширяющимся Западом и нацеленной на реинтеграцию постсоветского пространства Россией. Субрегион из бывших западных республик СССР (Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Украина) в этих процессах приобрел значение пересекающихся интересов. Исторически Россия сформировала склонность рассматривать его как жизненно важную зону собственной безопасности. Беларусь и Украина особенно важны для ее усилий выстроить на месте бывшего СССР интегрированное сообщество. На этом пространстве на карту для России поставлено очень многое.

У России остаются существенные реинтеграционные козыри, главным образом, экономические и культурно-цивилизационные. Как бы ни отличались друг от друга экономики постсоветских государств, они остаются крайне взаимозависимы как наследницы советской индустриализации, но прежде всего, из-за прогрессирующей деиндустриализации, которая пока не преодолена в большинстве стран СНГ. Советский Союз, несмотря на хозяйственные проблемы, оставался мощной промышленно развитой страной, что давало ему право считаться полюсом мировой системы.

Россия стремится возродить это значение советской экономики, но соответствующей стратегией не располагает. Тем временем продолжается обвальная деиндустриализация постсоветского пространства. В сопоставлении экономических показателей 1986 (СССР) и 2009 гг. (СНГ) фактически лишь добыча нефти выходит на плюс; в то же время угля добыто на 36,9 % меньше, произведено проката черных металлов на 35,4 % меньше, добыто удобрений – на 40,9 % меньше, выпущено цемента на 32,8 % меньше, бумаги – на 44,9 % меньше, тканей – на 73,8 % меньше; сделано тракторов в 10,8 раз меньше, металлорежущих станков – в 37,7 раз меньше. Разрушение промышленности, в отличие от явного оздоровления экономики в целом, не прекратилось в первом 10-летии XXI в.: в России, самой крупной стране СНГ, с 2000 по 2009 гг. выпуск легковых автомобилей сократился на 39 %, грузовых – в 2 раза, тракторов – в 2,5 раза, станков – в 4,9 раза. В крайне тяжелом состоянии пребывает фармацевтическая промышленность, практически прекращено строительство гражданских самолетов, «дышит на ладан» электронная отрасль. Если суммировать происшедшее, можно констатировать: СНГ полностью проиграло экономикам Запада и поднимающейся Азии в индустриальной сфере. Эти данные убедительно характеризуют геоэкономический вес и перспективу СНГ.

На интеграцию стран постсоветского мира продолжают работать факторы их общей истории, сходство менталитета, сохранившиеся еще общие культурно-цивилизационные «коды». Сейчас даже в большей мере, чем 10-15 лет назад, и представителями элит Содружества, и рядовыми гражданами осознается сложность и непредсказуемость «постсоветского развода». В этом принципиальная разница между нынешним временем и временем коллапса Советского Союза.

Таким образом, геополитический расклад на постсоветском пространстве характеризуется тремя основными особенностями функционирования его субъектов: стремлением укрепить национально-государственную идентичность, поисками перспективных путей международной интеграции, избеганием варианта оказаться объектом реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России.

Вопрос 5.3. Современные проблемы коллективной безопасности на постсоветском пространстве (с осени 2008 г.)

Мировой финансово-экономический кризис с сентября 2008 г. существенно ограничил внешнеполитические ресурсы глобальных акторов – США и ЕС, политически активных на постсоветском пространстве, заставив их сконцентрировать внимание на других регионах и проблемах. Для США – это страны Ближнего Востока, критически значимые для обеспечения глобальной безопасности и национальных интересов Америки. Из-за тяжелого долгового кризиса Евросоюз сосредоточился на внутренних проблемах.

Мировой кризис ухудшил социально-экономическое положение постсоветских государств. Во многих из них выросла общественно-политическая напряженность. При сокращении западной помощи роль России как важнейшего донора и гаранта сохранения существующих политических порядков в этих странах снова усиливалась. Приход к власти в США в ноябре 2008 г. новой администрации во главе с Б. Обамой, начатая по его инициативе политика «перезагрузки» отношений с Россией серьезно повлияли на ситуацию в постсоветском пространстве. Там снизилось российско-американское соперничество и расширились возможности России для более активной игры. Начавшиеся в январе 2011 г. масштабные политические перемены в странах Арабского Востока вели к серьезным изменениям в политике США и их западных союзников. Ценность сохранения и укрепления статус-кво на постсоветском пространстве для них значительно усиливались, ибо это позволяло сузить пространство неконтролируемой неопределенности в мире.

Главным вызовом безопасности на постсоветском пространстве по итогам российско-грузинской войны 2008 г. стал прецедент изменения международно признанных границ Грузии. Хотя Тбилиси уже давно не контролировал Абхазию и Южную Осетию, признание их независимости Россией – постоянным членом Совета Безопасности, создало *принципиально новую ситуацию на постсоветском пространстве*. В сознании правящих элит расположенных здесь государств это означало, что с помощью силы власти соседнего государства могут создать ситуацию, когда часть территории соседа юридически признается независимой. А безуспешные попытки западных стран вернуть Россию к плану Медведева–Саркози (сохранение территориальной целостности Грузии в официально признанных границах) указывали на неэффективность существующих международных институтов и механизмов для восстановления территориальной целостности государств.

Поствоенный порядок на Южном Кавказе, установивший иные границы и другую военно-политическую роль отпавших территорий, может стать устойчивым и долгосрочным. Новые реалии – серьезный вызов правящим кругам большинства постсоветских государств, сталкивающихся с проблемами сепаратизма как активного, так и латентного, потенциального. И мысленно они стали примерять «грузинский случай» к своим собственным государствам. Поэтому как и абсолютное большинство стран мира, постсоветские государства, включая ближайших союзников и партнеров России по таким

международным объединениям, как Шанхайская Организация Сотрудничества, отказались признавать независимость Абхазии и Южной Осетии.

В то же время размежевание с Москвой по вопросу признания независимости Абхазии и Южной Осетии не стало для большинства постсоветских государств сигналом к разрыву или ослаблению сотрудничества с Россией в сфере безопасности. Тому было несколько причин. Во-первых, послевоенное урегулирование ситуации вокруг Грузии показало, что рассчитывать на помощь США и их союзников в случае вооруженного конфликта одного из постсоветских государств с Россией не приходится. Во-вторых, в политических кругах стран Центральной Азии доминировало мнение, что не стоит преувеличивать военно-политическую мощь России; у нее едва ли хватит ресурсов для вмешательства в возможные межгосударственные конфликты в субрегионе. В-третьих, обеспокоенные за свою устойчивость правящие элиты некоторых постсоветских государств сохраняли сотрудничество с Россией в области безопасности, надеясь опереться на ее военные возможности для сохранения собственной власти. Это отчетливо проявилось в Кыргызстане в ходе глубокого политического кризиса весной – в начале лета 2010 г., в конечном итоге приведшего к свержению президента К. Бакиева.

Условием сохранения сотрудничества постсоветских государств с Россией в сфере безопасности становилось отсутствие у Москвы намерений к дальнейшему изменению международного порядка на территории бывшего СССР. Дело в том, что после войны в мире возникли предположения, что отныне Россия на международной арене предпочтет действовать как ревизионистская держава. Однако в Москве дали понять, что для этого у нее нет ни желания, ни ресурсов. Сохранение у власти правящих режимов в постсоветских государствах, по своей социальной и политической природе близких к российскому, отвечало стратегическим целям России. Эта линия – один из фундаментальных принципов российской внешней политики в отношении постсоветских государств. Основная причина разлада в отношениях руководства России с президентами Грузии М. Саакашвили и Украины В. Ющенко: они стремились порвать с постсоветской политической традицией и придать своей стране прозападный вектор развития.

Стремление России сохранить статус-кво на постсоветском пространстве проявилось в ее отношении к конфликту в Нагорном Карабахе. Москва глубоко заинтересована в сохранении конструктивных отношений как с Арменией, так и с Азербайджаном. Армения – ее единственный военно-политический союзник на Южном Кавказе, а Азербайджан – важнейший партнер в субрегионе по добыче, торговле и транспортировке нефти и газа. В случае новой армяно-азербайджанской войны влияние России в обеих странах, да и на Южном Кавказе будет подорвано. Поэтому Москва после войны с Грузией стала активно посредничать в целях недопущения нового вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. Уже 2 ноября 2008 г. по итогам встречи президенты России, Армении и Азербайджана подписали Московскую («Майендорфскую») «Декларацию трех президентов», согласно которой официальный Баку принял на себя обязательства содействовать урегулированию карабахской проблемы только мирным путем.

Сохраняя в силу ряда причин заинтересованность в сотрудничестве с Россией в сфере безопасности, властные элиты постсоветских государств фактически признали над собой особую роль России как регионального полицейского.

Параллельно Россия предприняла значительные усилия по укреплению главного института коллективной безопасности на постсоветском пространстве – ОДКБ. В феврале 2009 г. принято решение о создании мобильных Коллективных сил оперативного развертывания (КСОР), которые должны отражать внешние нападения на страны-участницы ОДКБ, а также оказывать противодействие террористической угрозе, наркотрафику, организованной преступности, ликвидировать последствия природных и техногенных катастроф. В то же время КСОР не планировалось задействовать для решения каких-то межгосударственных двусторонних политических проблем или в отношении партнеров по СНГ, или соседних государств.

При этом Москва стремилась к тому, чтобы ее доминирующая роль в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве была принята и признана и Западом. Это озвучивалось как в прямой, так и в более завуалированной форме. В высказанном Д. Медведевым на конференции по мировой политике в Эвиане (Франция) в октябре 2008 г. предложении о заключении нового Договора о европейской безопасности содержалась идея о недопустимости монополии какой-либо страны в вопросах обеспечения безопасности. Идея была направлена против позиции США и военно-политического блока НАТО. Однако и претензии России на отнесение постсоветского пространства к сфере своих жизненных интересов, и идея нового Договора о европейской безопасности были отвергнуты странами Запада, для которых именно НАТО (а не какое-либо государство) является гарантом коллективной безопасности в Европе, а концепции «жизненно важных интересов» считаются безнадежно устаревшими для нашей эпохи.

Итак, ситуация вокруг безопасности постсоветского пространства после российско-грузинской войны 2008 г. продолжала оставаться проблемной, неустойчивой и неопределенной, подверженной влиянию многочисленных конъюнктурных факторов. В странах СНГ сложилась особая реальность – «постсоветский капитализм», в условиях которого лидеры государств – хотя и избирая разную геополитическую ориентацию – стремились не к оформлению институтов региональной безопасности, а прежде всего, к стабильности собственной власти. Такая безынициативность упрощала Москве реализацию собственных вариантов; на руку Кремлю играли и последние геополитические тенденции: сосредоточенность США на ситуации в Иране и Афганистане; обамовская «перезагрузка»; мировой экономический кризис; проблемы с расширением ЕС; а также то, что произошедшие «цветные революции» не увенчались построением стабильной демократии в странах СНГ. В силу этого Россия при выстраивании собственной конструкции региональной безопасности беспрепятственно использовала сложившиеся преимущества: экономическую и энергетическую зависимость стран СНГ от России, регулирование трудовой миграции в свою страну, роль российского рубля, безвизовый режим в рамках Содружества, статус русского языка как средства межгосударственных контактов, влияние российских СМИ на неформально общем информационном пространстве. Такая ситуация позволяла судить, что в ближайшие годы Россия сохранит за собой роль ведущей в военно-политическом отношении державы региона, но создать прочную систему коллективной безопасности, даже на уровне субрегионов ей вряд ли удастся.

Вопрос 5.4. Эволюция геополитического статуса постсоветской России

Анализ геополитического положения России показывает, что ее потенциал на постсоветском этапе направлен на решение двух основополагающих задач: а) формирование условий и предпосылок для восстановления советского статуса мировой сверхдержавы и б) обеспечение готовности отвечать на текущие вызовы международной безопасности. Методы их достижения изначально исключали провоцирование опасности военными средствами. Иной путь был бы расценен странами СНГ и мировым сообществом как имперская политика и попытка гегемонии в рамках североевразийской геополитической структуры. Но настороженность мирового окружения возникла из-за фактов спровоцированной Москвой конфронтационности и явного стремления пересмотреть свой статус не путем внутреннего реформирования, а через экономическую, военную и политическую реинтеграцию постсоветского пространства под своим началом.

Факты агрессивных реинтеграционных действий России в немалой степени были следствием недооценки Западом ее роли в организации североевразийского пространства и обеспечении его безопасности. Именно действующий «стратегический зонтик» России сегодня и на ближайшие годы будет отпугивать конфликтных соседей от стран СНГ. Но в постсоветских государствах это почти не замечается и практически не ценится. Наоборот, часто создается иллюзия, что у стран СНГ нет внешних врагов, а реальные противники только у соседей по СНГ и, в первую очередь, у «великодержавной России». Лишь события 11 сентября 2001 г. стали некоторым стимулом коалиционного взаимодействия в рамках СНГ и ориентации отдельных его стран на Россию как системообразующий элемент постсоветской структуры безопасности.

Запад же настроен на предотвращение каких-либо реинтеграционных процессов на территории бывшего СССР во главе с Россией. Понимание, что именно Россия является остовом укрепления стабильности в постсоветском пространстве, на Западе уступает противоположному убеждению: если Россия «соберет» советские земли, то станет стратегическим вызовом западной цивилизации. Одно из направлений глобальной политики Запада сводится к созданию стратегических и тактических препятствий России для ее реинтеграционных мероприятий. К примеру, США усилили свое присутствие в Центрально-Азиатском регионе не только для проведения антитеррористической операции в Афганистане, но и для контроля над ситуацией в этом субрегионе СНГ. Также в последние годы Запад сменил адреса экономического и технического сотрудничества с помощью России на другие страны СНГ (Грузию, Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Украину), хотя Россия по-прежнему занимает главенствующее место в его экономической политике. Не без поощрения со стороны Запада ряд стран СНГ пробуют создать ядра политического и военно-политического взаимодействия, альтернативные России. В первую очередь, это относится к Грузии, проводящей политику в отношении Кавказа и Закавказья. В Центральной Азии подобные функции пытается взять на себя Узбекистан. Несколько неудачных попыток в этом направлении в разные годы сделала и Украина.

По этим основаниям Россия не скрывала негативной реакции в адрес «Восточного партнерства», хотя прежде Москва на официальном уровне заявляла, что не возражает против европейской интеграции и даже вступления *Украины* в ЕС (возможно, из-за

нереальности подобного развития событий). Еще резче Россия отреагировала тогда, когда Украина начала продвигаться к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом (это произошло в конце 2011 г.). Данное соглашение, в частности, предусматривало создание сторонами «углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли» (УВЗСТ). Москва заявила: если Украина присоединится к Таможенному союзу (инициирован Россией, Беларусью и Казахстаном в 2007 г., начал действовать в 2010 г.), то взамен получит дополнительные экономические преференции, снижение расценок на газ и отказ от реализации проекта «Южный поток». Однако одновременное участие в Таможенном союзе и УВЗСТ с Евросоюзом несовместимы; более того, члены ТС не входят (кроме России) в ВТО (к которой Украина присоединилась в 2008 г.). Президент В. Янукович заявил, что сотрудничество с ТС ограничится формулой «3+1» (то есть Украина не станет его членом). Москва отвергла этот вариант и усилила давление на Киев.

Вопреки стереотипно негативному отношению российских элит к членству постсоветских *стран Балтии* в НАТО и ЕС новый статус внушает им чувство безопасности и способствует развитию взаимовыгодных отношений между ними и Москвой.

Связи России с пятью *государствами Центральной Азии* развиваются на разных уровнях и в разных форматах: на двусторонней и многосторонней основе. Все страны субрегиона являются членами СНГ, хотя в 2005 г. Туркменистан заявил, что будет участвовать в его деятельности лишь в качестве «ассоциированного члена». Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в ЕврАзЭС (в 2006 г. к Сообществу присоединился и Узбекистан, но двумя годами позже приостановил свое членство). Россия активно использует многосторонние структуры этой организации для финансово-экономической помощи стран-участниц. Казахстан также участвует в Таможенном союзе с Россией и Беларусью. Созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) включает, кроме Китая, Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Москва стала союзницей центрально-азиатских режимов, помогая им удержаться у власти и защититься от потенциальных внешних угроз.

Однако Москва не хочет быть донором и арбитром в спорах между этими государствами: ведь в этой роли она рисковала бы вызвать их постоянное недовольство. Она желает быть для них стратегическим инвестором и партнером, координировать принятие решений по важным региональным проблемам, затрагивающим и саму Россию. Для большинства этих стран Россия по-прежнему остается первым или вторым по значению торговым партнером. Существенно то, что создание Таможенного союза пока не привело к резкому росту торговли между его странами-участницами. В 2010 г. доля Казахстана и Беларуси во внешнеторговом обороте России составляла лишь 7 % (для сравнения – доля стран Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) равна 23 %, и Китая – 9,5 %).

Существующие проблемы модернизации в России пытаются компенсировать *интеграционными проектами*, которые во многом тождественны реинтеграции постсоветского пространства. Россия рассматривает интеграционные структуры в качестве инструмента достижения поставленной геополитической цели путем экономической «привязки» к себе соответствующих стран, уже не говоря о стремлении таким образом ограничить политическое и экономическое влияние Китая в Центральной Азии и ЕС – в Европе. Такую позицию России западные эксперты в самых негативных тонах расценивают

как имперский реваншизм или – более мягко – как пример защиты «большими державами» своих национальных интересов в собственном понимании. Однако разница в оценках сути дела не меняет. Поэтому следует принять это стремление России как реальность, исходя из которой, окружающий мир должен строить свои геополитические схемы.

Одно из проявлений сознательной эволюции собственного геополитического статуса – стремление России реинтегрировать под своим началом ключевые страны бывшего СССР – Казахстан, Беларусь и Украину. Если Казахстан включается в интеграционные проекты по собственной инициативе, то Беларусь это делает, скорее, по необходимости. Украина избегает участия в различных интеграционных объединениях, имея для этого более значительные ресурсы, чем Беларусь. Отношение других постсоветских государств к интеграционным инициативам различно. Одни пытаются решить с помощью участия в них свои сложные социально-экономические проблемы (Кыргызстан, в меньшей степени Таджикистан), другие колеблются, опасаясь утратить часть своего суверенитета (Узбекистан), третьи вовсе связывают свое будущее с иными политическими и цивилизационными альтернативами (Грузия, Молдова, Украина).

Ключевую роль в своих планах на постсоветском пространстве Москва отвела новейшему интеграционному проекту – Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). 18 ноября 2011 г. президенты России, Беларуси и Казахстана подписали документы о создании Евразийского союза на базе уже существующих интеграционных объединений – ЕврАзЭС, Таможенного союза, ЕЭП, ОДКБ. Главы трех государств договорились о формировании наднационального органа – Евразийской экономической комиссии. 29 мая 2014 г. лидеры России, Беларуси и Казахстана подписали в Астане договор о Евразийском экономическом союзе, который вступает в силу с 1 января 2015 г. Создание союза выводит страны-участницы на более высокий уровень интеграции. ЕАЭС включит в себя зону свободной торговли, таможенный союз и единое экономическое пространство. Три государства взяли обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. На пространстве СНГ завершается формирование крупнейшего общего рынка (170 млн человек), потенциально способного стать мощным центром экономического развития.

ЕАЭС потенциально может привлечь не только «разбросанные обломки» российско-советской империи, но и другие страны, которые никогда не входили в ее состав. На его с экономическим интересом смотрят не только Армения, Киргизия, даже Узбекистан, но и огромная Индия, быстро развивающаяся в экономическом плане Сербия и даже Турция. И Сербию, и Турцию слишком долго не впускали в «хорошие дома» Брюсселя, видимо, этим отчасти продиктован их интерес к ЕАЭС. Но у Кремля экономический прагматизм в евразийском проекте далеко не на первом месте, а главные цели – политические и геополитические. Благодаря проекту, считают независимые аналитики, В. Путин утверждается в глазах своего электората в образе «собирателя земель».

Инициатива ЕАЭС также выглядит ходом Кремля в большой геополитической игре с Белым домом и Пекином. Ему прочат великую судьбу – заменить собой Европейский союз, который якобы терпит политический и экономический провал. В результате ось мира сместится на восток, где возвышается китайский колосс, и это выбросит на обочину Старый Свет. Такой глобальный проект выглядит иллюзией. Но и противоположные

попытки осуществить передел постсоветского пространства через нейтрализацию России в этом процессе приведут к непредсказуемым изменениям как в прилегающих зонах Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Европы, так и в относительно меньшей степени – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Но в первую очередь, они породят трудноразрешимую конфликтогенную обстановку на пространстве СНГ.

Итак, со времени прихода к власти В. Путина политика России в мире и на постсоветском пространстве стала куда более напористой. Это диктуется прагматическими соображениями экономического порядка, хотя некоторые геополитические акции, призванные продемонстрировать лидерство России, перестали быть символическими.

Вопрос 5.5. Беларусь в системе современных геополитических отношений

Геополитическая ориентация Республики Беларусь основана на учете общих и специфических закономерностей европейского и регионального развития. Она нашла выражение в *идее «интеграции интеграций»*, впервые выдвинутой президентом А. Лукашенко в статье «О судьбах нашей интеграции», опубликованной в российской газете «Известия» 19.10.2011. Статья появилась почти одновременно со статьей В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии» (Известия, 4.10.2011). На фоне концептуальных выкладок Путина предложение Лукашенко выглядит неологизмом и в концептуальном отношении, и в практической политике; может, потому оно не получило адекватного резонанса среди политических элит и экспертов. Однако предложение несет сильный инновационный смысл. Речь идет о *двух относительно независимых региональных (но не трансконтинентальном) процессах*: с одной стороны, бурной интеграции в формате Евросоюза, с другой – интеграции в различных форматах СНГ, которая протекает достаточно скромными темпами.

Идея Путина – Евразийский союз как самостоятельная интеграция «по образцу ЕС»; «осевая» идея А. Лукашенко – «интеграция интеграций», т. е. привилегированное партнерство двух интегративных процессов, евросоюзного и евразийского, основанных на общности интересов и ценностей вовлеченных в эти процессы государств. Тем самым может быть достигнут эффект плодотворной синергии обоих процессов. Надо признать, что белорусский лидер предложил действительно инновационную формулу общеевропейской интеграции. Она выражает исторически уникальную для наших государств, Европы и мира структурно сложную, многоуровневую, ассиметричную и динамическую тенденцию нашего времени. Если в ней не возобладают антагонизмы, то между названными интеграционными группировками станут преобладать отношения взаимозависимости вместо прежних деклараций независимости. При этом нет нужды добиваться, чтобы отношения каждого участника каждой интеграционной группировки становились *приоритетом* сотрудничества. Правильнее утверждать, что для каждого участника каждой интеграционной группировки появится дополнительный *интерес* к взаимодействию с участниками других интеграционных группировок.

В этих условиях интегративные государственные интересы Республики Беларусь будут активизироваться или угасать в зависимости от потребностей и условий социально-экономического и политического развития страны. Но приоритеты, в отличие от интересов,

– более однозначны и центрированы. Если интерес обусловлен стремлением к взаимодействию, то приоритет означает выбор на основе органического триединства культурно-цивилизационных, геополитических и геоэкономических оснований. Из позиции официального Минска следует, что белорусские приоритеты возможны на востоке, западе, севере и юге европейского континента. В сложившейся геополитической ситуации важно выделить позицию Беларуси в западном направлении, обозначив ее как «*холодное сосуществование*». Факт таких отношений вызван не идеологическими противоречиями – здесь не наблюдается непримиримого соперничества двух систем. Просто Беларусь не приемлет «двойной стандарт» Запада и копирование западной модели развития.

Такое геополитическое положение побуждает Беларусь искать поддержку и новых партнеров на международной арене, прежде всего, среди стран, критически настроенных к внешней политике США и ЕС. Этим обусловлена активная переориентация белорусской внешней политики на восток. Беларусь стремится найти партнеров на восточном направлении с целью выхода на новые рынки экспорта и импорта товаров. Такими партнерами стали Китай, Индия, Куба, Вьетнам, Ливан, Сирия, Иран. Это не всегда положительно сказывается на политическом имидже Беларуси на международной арене. Все эти государства объединяет общий признак – они не имеют особой заинтересованности в Беларуси, но и не стремятся влиять на ее внутриполитическую ситуацию, ущемлять ее суверенитет. Беларусь стремится дружить с теми, кто не вмешивается во внутренние дела.

Тем не менее, вызовы XXI в., процессы глобализации и трансформации, геоэкономические изменения меняют геополитическое положение стран и корректируют их геостратегию. Для Беларуси, как европейского государства, вхождение в европейское цивилизационное пространство будет означать одновременно интеграцию в мировое сообщество. Геополитическое положение Беларуси, ее исторический опыт, культурные традиции, научно-технический, экономический и интеллектуальный потенциал создают благоприятные предпосылки для ее развития в качестве европейского государства, полноценного участника всех европейских процессов.

Геополитическое положение Беларуси диктует необходимость поддержания и развития экономических, политических, культурных связей не только со странами СНГ, включая Россию, но и с государствами Центральной и Западной Европы. Однако следует учитывать, что на данный момент это весьма затруднительно. Недостаточно высокий уровень экономического развития Беларуси и особенности ее внешнеторгового оборота в значительной степени предопределяют ее ориентацию на Российскую Федерацию как региональную сверхдержаву и ограничивают возможность проведения действительно многовекторной международной политики, которая требует несоизмеримо больших затрат на функционирование внешнеполитических институтов.

Внедрению многовекторной внешней политики Беларуси бесспорно помогла бы реализация идеи «интеграции интеграций», которая в практическом плане представляется как объединение экономических процессов, происходящих на Западе и на Востоке. Однако практические усилия по воплощению данной идеи мало реальны в Беларуси в условиях распространения российскими центрами влияния концепции «русского мира». Включение ее различных механизмов уже привело к некоторому ограничению суверенитета белорусского государства.

Ряд белорусских экспертов разрабатывает варианты укрепления геополитического значения Республики Беларусь как нейтрального регионального государства, поскольку она находится в сфере интересов как России, так и ряда стран Евросоюза. Прежде всего, это соседи, с которыми Беларусь объединяет историческое наследие, – Польша, Литва, затем – Германия, Швеция, в меньшей степени – другие страны Средней Европы. С геополитической точки зрения Беларусь могла бы стать важным звеном Балто-Черноморского союза, если бы такой появился. Беларусь – единица, которая так или иначе делает Россию сильнее. Ради сохранения геополитического баланса нейтральная независимая Беларусь, где больше, чем нынче, присутствует Запад, – считают аналитики, – больше интересна ведущим мировым игрокам, включая Россию. Но из-за жесткого курса Москвы такое сближение с Евросоюзом не может быть одновременным и стремительным. Сгладить противоречия на пути сближения Минска с ЕС способна *стратегия «финляндизации»*, идея которой родилась в оппозиционных белорусских кругах в 2010 г. По их мнению, финляндизация в белорусском контексте – это шанс на постепенное сближение с Европейским союзом и сохранение независимости. И вообще сохранение белорусов как нации, Беларуси – как государства.

Тем временем западные эксперты считают, что правящий режим Беларуси своим стремлением к интеграции с Россией и противопоставлением себя формирующемуся европейскому порядку стал угрозой стабильности в субрегионе с потенциальной вероятностью включать механизмы региональной дестабилизации. Это ими считается *первой особенностью* геополитического развития Республики Беларусь. По их мнению, из-за неустойчивых внешнеполитических векторов сохраняется слабая государственная и международная идентичность Беларуси. На перспективу вероятен вариант российско-белорусской интеграции, ведущий к утрате Беларусью своей государственности, что приведет к изменению баланса сил в регионе ЦВЕ. В этом усматривается *вторая особенность* геополитического развития Беларуси. Большинство западных экспертов, учитывая динамику формирования белорусско-российского союза, считают, что он способен принять патологические формы (привести к поглощению Беларуси) и тем самым представляет угрозу стабильности региона.

В силу своего географического положения и геополитического статуса Беларусь является той страной, которая оказывает существенное влияние на направление и характер международных перемен в ЦВЕ. Станет ли она фактором стабильности или источником напряженности в регионе? Многолетнее развитие ситуации в Беларуси и в ее близком окружении показывает, что пока страна не может выполнять особую геополитическую функцию: быть мостом между Востоком и Западом. Непредсказуемость помостового либо барьерного поведения руководства страны – *третья особенность* геополитического развития Беларуси. Страна остается испытательным полигоном для нового европейского порядка. На белорусском направлении НАТО и ЕС отработывают координацию своей внешней политики. Россия экспериментирует здесь модель постсоветской реинтеграции. Геополитическое пространство Беларуси стало местом пересечения стратегических интересов Запада и России – это *четвертая особенность* геополитического развития Беларуси. Минск, допустивший внешнеполитический перекос в сторону России и самоизолирующийся от Запада, имеет мало пространства для проведения самостоятельной и сбалансированной внешней политики, – считают на Западе. Тем не менее, остаются

возможности вернуться к политике, основанной на национально-государственных интересах, и этим в некоторой мере определять условия соперничества России и Запада.

Итак, Республике Беларусь оказалось не просто обеспечить надлежащее место в системе современных геополитических отношений. Она пока не смогла наладить проведение самостоятельной региональной политики, хотя для укрепления государственности и независимого внешнеполитического курса это крайне актуально. Геополитическим интересам Беларуси наиболее полно отвечала бы многовекторная внешняя политика, ибо функционирование только в интеграционных структурах формата СНГ не дает стране ожидаемых перспектив. Расширение союзнических связей с Россией выявило тенденцию ограничения белорусского суверенитета; требуется неотложно исправлять этот интеграционный перекося. Переориентация белорусской внешней политики на восток дает ограниченный эффект. Беларусь выступает как страна, готовая сотрудничать с ЕС исключительно на равных условиях, без упрямого навязывания Евросоюзом ряда чуждых белорусскому народу и государству ценностей. Она ощущает себя равноправным партнером с Европой, но признает, что равноправное партнерство трудно осуществить на практике. Это происходит не из-за размера и веса ЕС на континенте, а потому что по существу ЕС имеет тенденцию выбирать партнеров по своему усмотрению. Но страны-соседи, в том числе, Беларусь – все разные, они преследуют собственные национальные интересы, и Евросоюзу это трудно «проглотить». Беларусь прагматична и реалистична в своих ожиданиях от «Восточного партнерства». Тем не менее, Минск убежден, что сотрудничество с ЕС должно быть основано на общих интересах, а не политических ценностях: общие интересы и широкое сотрудничество могут привести к общим ценностям и пониманию. А не наоборот.

Вопрос 5.6. Независимая Украина в региональной и мировой геополитике

Обладая сегодня территорией в 603,7 км² и населением в 42,3 млн чел., Украина является одним из самых больших государств в Европе, сравнимым с Францией или Испанией (или Техасом в США). Она располагает богатой почвой – так называемым Черноземьем – в течение веков делавшим ее житницей Российской империи и Советского Союза. На востоке находятся крупные залежи угля, железной руды, марганца, природного газа, нефти, титана, магния, никеля и ртути, что способствовало возникновению крупных промышленных городов. В современном мире у нее есть природные средства для выживания в виде сильного государства среднего размера.

К концу XVIII в. Украина была поглощена Российской империей. Этнические русские охотно мигрировали на ее территорию, а много украинцев переняли русский как свой родной язык. Изменившиеся за века границы оставили много украиноговорящих там, где сегодня находятся иные государства. Миграция привела к созданию значительных сообществ украинцев по всему миру, особенно в Альберте (Канада), где более 1 млн этнических украинцев сформировали диаспору. Миграция в течение советского периода переместила миллионы русскоговорящих в Украину, многие из них расположились на индустриальном востоке и севере страны. Население современной Украины этнически

разнообразно. Данные факты сформировали двойственность чувств жителей современной Украины в их отношении к России, что отражается в политике Украины сегодня.

В постсоветский период движения руководящей политической элиты к союзу с Россией, присущего Беларуси, в Украине не наблюдалось. Осознавая нежелательность укрепления российского влияния, власти флиртовали с идеей создания наднациональных структур в рамках СНГ, но на деле стремились развивать двусторонние отношения с другими странами Содружества. Украина – один из соучредителей Содружества – формально в него не входит, поскольку не ратифицировала Устав СНГ. Балансируя между Россией и Западом в рамках внешней политики, названной «многовекторной», украинские президенты осторожно «продвигали страну» в западном направлении. В 2003 г. Украина поддержала создание единого экономического пространства с Россией, Беларусью и Казахстаном лишь в формате зоны свободной торговли, а не таможенного союза, поскольку последнее противоречило курсу Киева на вступление в ЕС.

Отношения Украины с Россией развивались по сложному сценарию. Двустороннее сотрудничество в течение постсоветского периода затрудняли три вопроса: статус Крыма, вопрос энергоресурсов и память о голоде 1920-х – начала 1930- гг. Хотя Россия остается основным торговым партнером Украины, ее доля в украинском товарообороте резко сократилась – с 47,5 % в 1994 г. до 23,0% в предкризисном 2008-м. В то же время российский бизнес активно использует фирмы, зарегистрированные в Украине, для вложения капиталов и усиления своего влияния. Россия стремилась вовлечь ее в проекты экономической интеграции на постсоветском пространстве. Однако результат усилий был постоянно неочевиден, поскольку Украина – гораздо более крупная по сравнению с другими постсоветскими странами по масштабам экономики. Во внешней политике официальный Киев балансировал между Россией и Западом. Оценивая данный контекст, западные эксперты утверждают, что для В. Путина включение Украины в общее экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана имеет стержневое значение. Без участия в нем Украины этот политико-экономический проект создания противовеса Евросоюзу не будет иметь смысла. Президент Д. Медведев, комментируя в мае 2011 г. метания Украины между возможностями энергетического сотрудничества с Россией на льготных условиях и провозглашенным европейским вектором развития, заявил: «Нельзя сидеть на двух стульях. Или там, или там. Вместе не получится». Москва «дожимала» Украину для вступления в Таможенный союз, используя также другие способы сделать ее стратегически зависимой от Российской Федерации.

Такая перспектива подталкивала Киев к более тесному сотрудничеству с ЕС. Однако ситуация на европейском направлении выглядела не столь однозначно с точки зрения экономических интересов Украины. Предложенная Брюсселем зона свободной торговли (ЗСТ) с Евросоюзом не давала Украине практически ничего – ни ощутимого роста экспорта (украинская промышленность на европейском рынке неконкурентоспособна, а сельскохозяйственная продукция едва ли туда пробьется), ни реальной перспективы вступления в ЕС даже в обозримой перспективе. Одновременно Украина, стремясь добиться успеха на Западе, рисковала потерять для себя российский рынок и возможность поставок дешевого газа. От вступления же в ТС Украина получала как краткосрочную, так и долгосрочную выгоду.

Украина столкнулась со сложной и противоречивой ситуацией: экономическая необходимость толкала Киев в «объятия» России через ТС, а на другой чаше весов оказался цивилизационный европейский выбор. При этом Украина, как и Беларусь, находится в крайне выгодном географическом положении, создающем ей прекрасные возможности иметь хороших партнеров и на Западе, и на Востоке. Однако сложная политическая ситуация в Украине, острые конфликты внутри правящей элиты не позволяли украинским политикам действовать в рамках этой парадигмы. Так, президент В. Ющенко (2004–2010) пробовал резко сдвинуть страну на Запад, попытавшись сломать историческую традицию зависимости Украины от России. Но он потерпел неудачу, и страна оказалась на грани гражданской войны. Логика поставок дешевого газа для украинской экономики толкала его преемника В. Януковича к достижению соглашения с Россией, причем, на ее условиях. Но согласиться с подобным решением большая часть украинских элит и населения не смогла.

В Украине принималось немало документов, декларирующих *евроинтеграционные перспективы*. Сначала была Стратегия интеграции Украины в ЕС (1998), потом Программа интеграции Украины в ЕС (2000). В 2005 г. подписан План действий Украина–ЕС как дополнительный инструмент развития отношений между обоими субъектами. Однако позитивных результатов в плане внутренней подготовки Украины к вхождению в ЕС не было. В июле 2008 г. создано Координационного бюро европейской и евроатлантической интеграции в правительстве Украины. Бюро обеспечивало аналитическую проработку проектов подготовки Украины к вступлению в ЕС и принимало участие в переговорах Украины с Евросоюзом. В отношениях Украины с ЕС особую роль сыграла стратегия европейской политики соседства (ЕПС), суть которой – разработка плана действий, отдельного для каждой страны-соседа. Согласившись в 2008 г. на сотрудничество с Евросоюзом в формате ЕПС, Украина потеряла многие преференции, полученные ранее. Уже первые итоги Плана действий зафиксировали негативную тенденцию в торговле Украины с ЕС: падение украинского экспорта, рост импорта и отрицательного сальдо. В мае 2009 г. Украина приняла участие в учредительном саммите доктрины ЕС «Восточное партнерство». Элементы двустороннего диалога «Восточного партнерства» в значительной степени смоделированы по образцу двусторонних отношений Киева и ЕС. В этой связи для Украины двустороннее измерение инициативы не приобрело значительной дополнительной пользы и рассматривалось как уточняющее к двусторонним отношениям.

Основным приоритетом внешней политики Украины стала евроатлантическая интеграция. Вступление в ЕС потенциально придавало ей международную весомость и авторитет, необходимые для установления более тесных отношений с третьими странами. Однако многолетним фоном, осложнявшим развитие двусторонних отношений Украины с ЕС, стали декларативность стратегии украинского политического руководства, отсутствие последовательных внешнеполитических приоритетов и позиции по основным вопросам международной политики. Оценивая внешнюю политику Киева, один из экспертов ЕС указал на ее кризис: «...фактически она приобрела форму виртуальной, мы ставим виртуальные цели, их выполняем и виртуально отчитываемся». Одновременно в Украине не было сомнения в целесообразности активизации партнерских отношений с ЕС как национальном интересе страны. Успешность реализации европейского вектора в значительной мере зависела от нормализации отношений с Россией. Их ухудшение вызывало беспокойство граждан, также пугал низкий уровень конкурентоспособности

отечественных товаропроизводителей среди будущих партнеров по ЕС, что грозило массовым банкротством украинских предприятий и превращению Украины в санитарный буфер Европы от потоков нелегальных мигрантов и криминальных элементов.

Современные геополитические доктрины украинского государства направлены на физическое и политическое выживание украинской нации, сохранение независимости государства и быстрое и безболезненное вхождение в мировое сообщество через евроатлантические экономические и оборонные структуры. Среди различных политических сил Украины существуют четыре современные доктрины/ориентации: промосковская (восточная), прозападная, северная, южная (или северо-южная).

Приверженцам восточной доктрины Украина всегда виделась в качестве российской автономной провинции или на правах субъекта автономии. Западная геополитическая ориентация формировалась столетиями и сейчас предусматривает возвращение Украины в лоно европейского геополитического и геокультурного пространства через активное сотрудничество в Евросоюзе и НАТО и дальнейшую интеграцию в эти сообщества. «Прозападники» считают, что членство Украины в НАТО выгодно будущей демократической России; не поглотив Украину, она не наберет критической массы, чтобы возродиться как имперская мировая сверхдержава. Балтийско-черноморскую (балтийско-понтийскую) доктрину Украины олицетворяет ее северная геополитическая ориентация; ее цель: сближение Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Беларуси с Украиной как самым большим государством субрегиона, потенциальным ядром будущей федерации или конфедерации – балтийско-черноморского союза и барьером против российской экспансии в Центральную и Западную Европу. Южная или черноморская доктрина исходит из понимания Черноморского пространства как целостности, имеющей свое геополитическое содержание, свою этническую общность и собственные торговые, культурные и государственные традиции. В наше время эта доктрина возродилась с образованием ГУАМ, объединением бывших советских республик, связанных с пространством Черного моря – Грузии, Украины, Азербайджана, Молдовы. Свой геополитический и экономический вес она потенциально может набрать вокруг транспортировки каспийской нефти в Центральную и Западную Европу. Украина отводит себе в ней роль лидера.

Итак, свой геополитический статус Украина выстраивала на двух главных основаниях: а) движении к углублению партнерства с Европейским союзом с перспективой членства и б) участии в постсоветской интеграции, где приоритет отдавала двусторонним связям со странами-участницами СНГ, уклоняясь от вступления в Таможенный союз и ЕАЭС. Эволюция данного статуса чрезвычайно сильно зависела от позиции России. Попытки Киева совершить самостоятельный отрыв от постсоветского пространства в пользу западного дрейфа на протяжении многих лет не увенчались успехом. А поддержка Запада в этом деле обуславливалась характером отношений США и ЕС с Россией. Для укрепления международных позиций Украине было важно утвердиться в роли независимого государства, преодолеть «постколониальный синдром», как можно далее дистанцироваться от бывшего патрона ради закрепления в качестве субъекта международной политики. В свою очередь, Россия осуществляла серию действий на различных уровнях с целью блокирования европейской интеграции Украины.

Вопрос 5.7. Геополитический узел отношений на постсоветском Южном Кавказе

С начала XXI в. на одно из ведущих мест в мировом экономическом развитии выдвигается «мягкое южное подбрюшье» бывшего СССР – государства Центральной Азии и Закавказья. После почти двухвекового господства Москвы они превращаются в один из объектов экономического и геополитического соперничества. Возникший в этой зоне «вакуум силы» активно заполнялся внешними силами: в Центральную Азию и Южный Кавказ началась активная экспансия США, стран Западной Европы, ведущих мусульманских государств, Китая. Эти районы оказались втянутыми в новую «дугу нестабильности», раскинувшуюся от Боснии до Таджикистана.

Несколько причин объясняют вспышку внешней активности в этом субрегионе. Прежде всего, это нефтяные и газовые ресурсы Каспийского бассейна, существенно корректирующие мировой энергетический рынок. Его месторождения способны в некоторой степени ослабить зависимость мировой экономики от ближневосточной нефти. Особое значение энергоресурсы Каспия могут иметь для удовлетворения быстро растущих потребностей в нефти и газе Китая и ряда других «азиатских тигров». В то же время эти источники энергии стали конкурентами российским, играющим главную роль в экспорте Москвы в Европу, а в недалеком будущем, вероятно, будут иметь не меньшее значение в торговле России с Китаем и Японией.

США и их союзники инвестировали после 1991 г. в нефтяные месторождения Азербайджана, Казахстана и Туркменистана сумму, не меньшую, чем все инвестиции в Россию. Началось крупномасштабное освоение углеводородных ресурсов Каспийского региона. Подписан азербайджанский «контракт века» на 8 млрд дол. В созданном международном консорциуме пять американских компаний получили 44 % акций. При этом особую роль не только в энергетическом, но и в экономическом плане играет вопрос о маршруте прохождения стратегических трубопроводов: через территорию России или в обход ее. Суть не только в огромных материальных инвестициях, под вопрос поставлена степень контроля России над прикаспийскими странами. Стараясь привлечь Баку на свою сторону, США выступают за строительство нефтепровода от Апшерона до турецкого Джейхана как главного пути транспортировки каспийской нефти на запад. Это напрямую сталкивается с геополитическими интересами России. Формируется несколько направлений транспортировки каспийской нефти, в том числе российское и грузинское – к черноморским портам, турецкое – к портам Средиземноморья, иранское – к Персидскому заливу, восточное – к странам АТР и в Пакистан. Поскольку на возможных направлениях транспортировки нефти расположены крупные очаги региональных конфликтов (на Северном Кавказе, в Нагорном Карабахе, Курдистане), предпочтение в будущем, по-видимому, получают маршруты, контролируемые Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО. На южноевропейском театре НАТО в Средиземноморье сосредоточена самая крупная группировка военно-морских сил альянса, способного защитить «жизненные интересы» стран – участниц инвестиционных проектов в Каспийском море.

Учитывая повышенный интерес к пространству Южного Кавказа со стороны крупных государств, транснациональных корпораций, каждая из постсоветских стран этого субрегиона – Армения, Азербайджан, Грузия стремятся выбрать для себя наиболее

перспективный путь развития и соответственно – зарубежных партнеров. В результате они, похоже, движутся в разных направлениях.

На одном «полюсе» располагается *Армения*, чьи возможности выбора весьма ограничены: ее природные ресурсы скудны, политических и экономических реформ в стране не проводится, из-за двадцатилетнего Карабахского конфликта она находится в экономической изоляции, и по этой причине у Еревана нет иного выхода, кроме опоры на Россию в вопросах безопасности и участия в Ташкентском договоре о коллективной безопасности, заключенном в 1992 г. (в 2002 г. на его основе создана ОДКБ). В то же время Армения ограничивала свое участие в ЕврАзЭС статусом наблюдателя. Экспорт Армении в страны СНГ в 2010 г. составлял менее 20 % от общего объема, а импорт – около 30 %.

В своих геополитических устремлениях Армения действует малопредсказуемо. Для ее вовлечения в проекты экономической интеграции на постсоветском пространстве существуют объективные препятствия. Как отметил премьер-министр Т. Саркисян, «бессмысленно вступать в Таможенный союз, потому что у Армении нет общей границы с ним. В международном опыте нет ни одного примера, когда без общих границ образуются таможенные союзы, поскольку теряется та экономическая выгода, которую могут иметь страны, чьи товары пересекают границу без таможенного досмотра». Но для России членство Армении в ТС не так уж и важно, поскольку она и так является одним из ближайших союзников Москвы и во многом зависит от нее в военно-политическом и экономическом плане. Однако позднее, в связи с оформлением Евразийского экономического союза, президент Серж Саргсян заявил об отсутствии препятствий для вступления в ЕАЭС уже летом 2014 г. На уточнение президента Казахстана, что Армения должна вступить в ЕАЭС в рамках признанных ООН границ (т. е. без Нагорного Карабаха), Саргсян парировал: «А кто сказал, что мы вступим в Таможенный союз вместе с Карабахом? Такого не было и не может быть, поскольку Карабах, хотя бы нашим законодательством, хотя бы в соответствии с нашими представлениями, не является сегодня частью Армении». Это заявление прозвучало синхронно с очередной серией армяно-азербайджанских вооруженных стычек на границах Нагорного Карабаха. Кроме того, ряд армянских представителей власти утверждают, что Армения и Карабах находятся на одной таможенной и экономической территории.

На противоположном «полюсе» оказалась *Грузия*: она вышла из всех организаций, возглавляемых Россией. Несмотря на авторитарные тенденции при М. Саакашвили, Грузия – единственное постсоветское государство (за исключением стран Балтии), добившееся успехов в борьбе с коррупцией, реформировании полиции и устранении бюрократических препон на пути развития бизнеса. Официальная цель Тбилиси – вступление в ЕС и НАТО – поддерживается большинством населения страны. С приходом к власти М. Саакашвили страна четко обозначила свою ориентацию на евроатлантическую интеграцию, что совершенно несовместимо с неоимперскими планами Москвы. Августовская война 2008 г., несомненно, на долгое время осложнила отношения двух государств, а Грузия, по сути, оказалась в ситуации сложного выбора. Интеграция Грузии в западные структуры, особенно НАТО, была бы более легкой, если бы она смирилась с независимостью Абхазии и Северной Осетии. Однако отказываться от территорий бывших автономий руководство страны не намерено. В этом его поддерживает абсолютное большинство граждан Грузии.

Такая ситуация на руку России, поскольку существенно осложняет вступление Грузии в НАТО. После переизбрания М. Саакашвили Москва питала надежды на лояльность нового президента, но официальный Тбилиси не изменил приоритеты внешней политики. Москве это стало не очень и нужно; ее устраивает менее конфликтное поведение Грузии, ее большая сговорчивость при решении различных конкретных вопросов и отсутствие попыток как-то ущемить интересы России в регионе (например, в области энергетики). Поэтому втягивать Грузию в какие-то интеграционные проекты Кремль, скорее всего, не станет, ибо подобные попытки с учетом напряженности в отношениях двух стран лишь обострят ситуацию. Соответственно Тбилиси не будет стоять перед выбором украинского толка. Разве что Грузия сама сочтет выгодным экономическое сближение с Россией, что в принципе может принести ей определенную пользу. Однако в настоящее время такая перспектива даже не рассматривается. Ходатайство Грузии о вступлении в Евросоюз в очередной раз стало предметом обсуждения на совместном заседании Еврокомиссии и правительства Грузии в Брюсселе (май 2014 г.). По его результатам грузинам объявили о невозможности вступить в ЕС и о предоставлении Грузии европейской перспективы, чтобы страна приблизилась к Евросоюзу. Брюссель активно поддерживает процесс реформ в Грузии, являясь одним из основных доноров помощи для этой страны. В июне 2014 г. Еврокомиссия подписала соглашение об ассоциации Евросоюза с Грузией, Молдовой и Украиной.

Где-то между Арменией и Грузией (если оценивать векторы внешнеполитических интересов) расположился *Азербайджан* – страна, обладающая богатыми нефтяными ресурсами. Баку старается не осложнять отношения с Москвой, но в то же время воздерживается от участия в российских интеграционных инициативах (как в экономике, так и в сфере безопасности).

Обладая стратегическим запасом энергоресурсов, Азербайджан поступает так, как не смогла поступить Беларусь, и не захотел поступить Казахстан. Другими словами, Баку во внешней политике может позволить себе действовать независимо, при этом сохраняя конструктивные и взаимовыгодные отношения с Россией и Западом. В целом Азербайджан проводит достаточно сбалансированную политику, например, выражая заинтересованность в реализации европейского газотранспортного проекта Набукко и одновременно увеличивая продажи газа Москве, от которой в том числе зависит и решение карабахской проблемы. По сути, азербайджанская политика сегодня являет собой примерно то, что Россия хотела бы видеть в будущем у Грузии: стратегическую сбалансированность внешнеполитического курса без резких движений в ту или иную сторону по ключевым вопросам экономики, энергетики и безопасности.

Таким образом, три постсоветские страны Южного Кавказа в своей международной политике пошли существенно разными путями. Их выбор лишь в незначительной степени можно считать самостоятельным; скорее, сработали внешние обстоятельства, повлиявшие на те или иные приоритеты Еревана, Баку, Тбилиси. В решающей мере они обусловлены включением субрегиона в привлекательное для транснациональных компаний и ведущих государств мира «мягкое южное подбрюшье» бывшего Советского Союза. Став объектом экономического и геополитического соперничества, страны Южного Кавказа потеряли прежнюю стабильность и предсказуемость собственного развития, хотя и сохраняют традиционную с советских времен национальную идентичность.

Вопрос 5.8. Геополитические перспективы выживания Молдовы

Республика Молдова ставит иные проблемы как перед Россией, так и перед Европейским союзом, отличающиеся от выдвигаемых Украиной или Беларусью. Одна из самых малых и бедных стран Европы, она оказалась сложной по своей идентичности и составу. Ее способность к выживанию как государства подвергалась сомнению с момента независимости в 1991 г. У нее есть два значимых соседа, к которым она могла бы склониться, и у которых есть притязания на ее внимание: Россия, отношения с которой складывались с начала XIX в., и Румыния, ставшая членом ЕС с 2007 г. Украина могла бы считаться третьим значимым соседом, с которым длинная общая граница, и между ними существуют серьезные исторические связи. Украина сыграла значительную роль в попытках урегулировать «замороженный конфликт» вокруг восточной территории. Это означает, что и Молдова интересуется украинским направлением.

Государство Молдова впервые возникло с распадом Советского Союза; но, в отличие от Беларуси и Украины, там не было движения за независимость. Сложившееся позже румыноговорящее движение побуждало к союзу с Румынией, принятию латинского алфавита и других мер, способных обречь связи Молдовы с российским и советским прошлым, признать этническую идентичность большинства (примерно двух третей) населения, восстановить статус межвоенного периода и тем самым отражать более древнюю историческую реальность.

Но связь Молдовы с Россией тоже не недавняя. Когда было образовано современное румынское государство (1859 г.), большая часть Бессарабии уже была губернией России. Русский язык стал укореняться в образовании и религии. Эти исторические факты остались яблоком раздора. Присоединенная к Румынии после Первой мировой войны, территория Бессарабии была возвращена Советскому Союзу в 1940 г. по пакту Молотова-Риббентропа и окончательно присоединена в 1944 г. Эта сложная, отчасти искусственная политическая единица стала независимой в 1991 г. В советский период территория на восточном берегу Днестра, включая промышленный Тирасполь, развивала индустрию: энергетические, сталелитейные, оборонные, швейные, пищевые предприятия. Основная часть территории республики оставалась преимущественно аграрной, выращивая виноград для вина и коньяка, табак, кукурузу и сахарную свеклу. После 1991 г. на левобережной (восточной) территории оставалось около 40 % промышленного производства страны.

Оснований для объединения Молдовы с Румынией, за исключением общего языка, исторический контекст за последние два столетия не создал. Но стремление объединиться с Румынией тревожило как проживающих за Днестром, так и гагаузов на юге; оба сообщества этому сопротивлялись и обращались к Москве за поддержкой. Если гагаузы достигли примирения с независимой Молдовой, приняв предоставление специального автономного положения, то власти в Тирасполе и его районах, никогда не бывших частью Румынии, где число молдаван (румын) значительно меньше, провозгласили свою независимость, сражались в короткой войне 1992 г., и настаивают на защите самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР).

Многолетние переговоры с участием двух молдавских сторон, России, Украины, Евросоюза, ОБСЕ и других организаций, не привели к решению конфликта. По всей

Европе для обсуждения проблемы проводятся конференции, выдвигаются планы урегулирования. Среди них примечателен «Меморандум Козака» 2003 г., который привел бы к федеральной конституции. Но разногласия не решены: обе стороны основывают изложение своей версии на историческом опыте и подозрениях.

Евросоюз поддерживает суверенитет и территориальную целостность Молдовы, и одно это создает реальные осложнения. Сложности для Брюсселя возросли с момента вступления Румынии в ЕС, который стал проводить политику сохранения стабильности на основе принципов соседства. В свою очередь, Россия желает сохранить свое влияние на Приднестровье, включая военное присутствие (пренебрегая положениями Конституции Молдовы). Большинство руководителей высокого ранга Приднестровья – этнические русские или имеют российские паспорта. Они надеются на поддержку России. Сегодня в ПМР мало возможностей для позитивных чувств к Молдове.

Молдова (как и Украина, Грузия) являет собой пример крайне скептического подхода к российским интеграционным планам. Правящий либерально-демократический «Альянс за европейскую интеграцию» видит будущее в составе «Большой Европы» и активно выступает за присоединение Молдовы к ЕС. Но внутривнутриполитическая ситуация в стране остается неопределенной, что обусловлено острым противостоянием двух примерно равных по влиянию в обществе политических сил – коалиции демократических и либеральных партий, составляющих «Альянс за европейскую интеграцию», и Партии коммунистов Молдовы (ПКМ).

В июне 2014 г. подписана в Брюсселе экономическая часть Соглашения об ассоциации Республики Молдова с Евросоюзом. Но главной проблемой, не решив которой, Молдова в перспективе не сможет вступить в Евросоюз, является приднестровский конфликт. Его нельзя урегулировать без согласия Москвы. Однако после 2003 г., когда Кишинев отверг российские предложения («план Козака»), Москва практически утратила интерес к решению этого конфликта, сохраняя ситуацию неопределенности и затягивая приднестровский конфликт. Для России сохранение контроля над Приднестровьем равно блокированию расширения НАТО и Евросоюза. А уход России из Приднестровья означал бы: • сокращение сферы влияния; • создание прецедента отвода войск из других постсоветских стран; • вхождение этой территории в сферу влияния Запада; • потерю полосы внешней безопасности российского государства; • потерю позиций в глобальной иерархии, которая отразится на геополитическом статусе Российской Федерации.

Концепция внешней политики Республики Молдова исходит из геополитической позиции и геополитического статуса. Сегодня они крайне сложны. По географическому положению Молдова – анклав между Украиной и Румынией на геополитическом разломе между Россией и НАТО/ЕС. Сложность положения Молдовы и состоит в соседстве с этими двумя центрами силы. Бухарест стал инструментом структур ЕС и НАТО для оказания влияния на Кишинев. Украина пока не имеет ясно очерченного геополитического статуса, но с точки зрения ориентации во внешней политике – она прозападная. Без сомнения, сильное влияние как на Киев, так и на Кишинев имеет Россия. Чтобы избежать геополитических рисков, Кишинев должен строить и поддерживать отношения со всеми геополитическими акторами в этой части Европы. Интеграция в Евросоюз является важной стратегической целью молдавского правительства, но успех в отношениях между Молдовой и Евросоюзом оценивается через примат отношений ЕС с Россией. Обе силы

смотрят на Молдову со стратегической перспективы, поскольку она находится в районе Черного моря. Будущее столкновение России с Западом – это следствие борьбы за контроль над пространством Черного моря. Оно соединяет ЕС с богатейшими областями энергетических запасов: бассейном Каспийского моря, Центральной Азией и Персидским заливом. Сейчас происходит борьба за контроль над этими богатыми территориями. В связи с этим Молдова имеет для Запада (НАТО, ЕС) и России геостратегическое значение.

Итак, с геополитической точки зрения Молдова находится в полосе максимальной геополитической интенсивности, оказавшись на линии столкновения между НАТО/ЕС, с одной стороны, и Россией – с другой. Именно эта ситуация делает позицию Молдовы уязвимой. Молдова является скорее объектом геополитических игр, чем субъектом. Поэтому в выстраивании внешней политики Молдова должна принимать во внимание анализ геополитического контекста в регионе, а также внутреннюю геополитическую ситуацию. Существует необходимость воспитания в молдавской политической элите черт «геополитической интеллигенции». Требуется создать геополитическую школу, которая сможет реализовать интересы государства. А в целом страна производит впечатление не более стабильной, чем два десятилетия назад, после обретения независимости, что ставит очевидные проблемы перед ее зарубежными партнерами.

Вопрос 5.9. Геополитические интересы постсоветских стран Центральной Азии

Новый регион. Сконструированный в советское время субрегион, как и сам термин «Средняя Азия», сегодня сменил не только свое название, но и очертания на географической карте. Не рассматривая принципиальную разницу в терминологии, можно отметить, что вчерашняя «Средняя Азия» с «дружественными республиками» в ней стала «Центральной Азией». Появились также предложения существенно раздвинуть границы субрегиона за счет включения в него Монголии, Синьцзяна (Китай) и Афганистана и назвать расширенный регион «Большой Центральной Азией».

Но под эту географическую картинку не сложилась межстрановая общность. Субрегион с новыми контурами – результат сознательного политического конструирования ради целесообразности. На практике же он выглядит как набор разных общественно-политических компонентов, принципиально различных политики и устремлений, представленных странами, расположенными в центре Евразии. С учетом сказанного под «Центральной Азией» подразумевается субрегион, состоящий из пяти постсоветских государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Сырьевые ресурсы в субрегионе распределены крайне неравномерно. Гористые Кыргызстан и Таджикистан бедны минеральным сырьем, но контролируют 70 % водных ресурсов Центральной Азии и истоки ее рек. В Казахстане, Туркменистане и Узбекистане большие запасы нефти и газа, но вода там в дефиците. В советские времена основные сектора народного хозяйства этих республик создавались в рамках регионального разделения труда: в Таджикистане производилась электроэнергия, в Казахстане – зерно, а в остальных трех республиках – хлопок. Ныне межреспубликанские связи стали межгосударственными, серьезно осложняя функционирование этой системы.

Границы стран субрегиона также унаследованы от СССР и во многом носят искусственный характер. Это ведет к межэтническим трениям, напряженности в

межгосударственных отношениях и даже конфликтам. Хотя государства Центральной Азии имеют общую многовековую историю и религию, этнические и культурные различия между ними весьма глубоки. Общие черты становления и развития этих государств пока не просматриваются. Каждое из них переживает внутренний процесс самоидентификации, формируя как идеологические, так и внешнеполитические приоритеты. Из всех стран только Казахстан время от времени выступает с теми или иными интеграционными инициативами регионального масштаба, но эти попытки, как правило, наталкиваются на сопротивление Ташкента. Узбекистан расположен в центре субрегиона и объективно должен играть объединяющую роль, но на деле служит своего рода источником раздора. Туркменистан – это своеобразная региональная «вещь в себе», государство с устойчивой политикой нейтралитета-изоляции. Перманентно соперничают за региональное лидерство Казахстан и Узбекистан. Их неизменные – сильные и амбициозные лидеры Н. Назарбаев и И. Каримов выстроили жесткие властные вертикали, реализуя провозглашенные курсы поддержания и укрепления стабильности в обществе. Есть в субрегионе достаточно бедные страны, даже на фоне соседей: Таджикистан и Кыргызстан. Последняя из них зарекомендовала себя как «плохиш» – даже в масштабе постсоветского пространства. Причина этому – политико-революционные эксперименты, так беспокоящие соседей, что те время от времени отгораживаются от этого «островка демократии» в переносном и прямом смысле – путем закрытия своих границ.

Несмотря на потенциальные возможности превращения Центральной Азии в целостный субрегион, она в реальности представляет собой лишь желаемую политическую конструкцию. А вопрос о субрегионе как акторе международной политики чаще всего ставят в повестку дня соседние и крупные государства. В самих же, расположенных здесь странах, дискуссии имеют иной предмет: собственность и безопасность. Наиболее часто обсуждаемые темы – распределение водных ресурсов и противодействие влиянию «революционных тенденций» в их кыргызском варианте «оранжевой чумы». В результате рождаются соответствующие инициативы, например, по усилению контроля над виртуальным пространством, который и без того жесткий. В некоторых государствах региона это пространство имеет явную тенденцию к сужению.

Водные ресурсы – «камень преткновения» и инструмент политики. Обеспечение ими определяет социально-экономическое развитие стран субрегиона. Распределительная сеть государств Центральной Азии создана еще в рамках проектов прошлого века – советского «Плана ГОЭЛРО». После распада СССР использование воды стало причиной споров и даже обусловило возникновение серьезных трений межгосударственного характера, особенно в отношениях между Кыргызстаном и Узбекистаном, Таджикистаном и Узбекистаном, поскольку именно в горных районах Кыргызстана и Таджикистана собирается основной сток воды в регионе и там построены крупные гидроэлектростанции и водохранилища, например, Токтогульская ГЭС на территории Кыргызстана.

Распределение водных ресурсов – проблема не только двусторонних отношений, но и интерес третьих стран в получении рычагов влияния в субрегионе. Именно так расценили кыргызские аналитики соглашения 2011 г. о российских инвестициях в развитие энергетики Кыргызстана. По их мнению, речь шла не о строительстве электростанций как таковых, а о попытке использовать их как мощный инструмент воздействия на ситуацию. С одной стороны, за счет строительства Россия получает контроль над энергетикой

Кыргызстана, с другой – над Узбекистаном. Дефицит водных ресурсов – проблема, со временем только усиливающаяся, серьезное препятствие для сближения стран субрегиона, их нормального взаимодействия, инструмент манипуляций со стороны третьих стран.

Остро стоит проблема межгосударственных границ. Не демаркировано примерно 15 % 1500-километровой границы между Таджикистаном и Узбекистаном. Ведутся переговоры о делимитации и демаркации границ между Туркменистаном и Узбекистаном. Кыргызско-узбекская граница – одна из проблемных на всем постсоветском пространстве. Она проходит по наиболее сложному участку – Ферганской долине, которая разделена между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном и включает ряд этнических анклавов, расположенных на территории сопредельных государств. Неспособность руководства трех центральноазиатских государств решить сложные межэтнические и территориальные вопросы, другие проблемы – все это сформировало благоприятную почву для распространения экстремистских идей и возникновения радикальных движений в Ферганской долине, ставшей постоянной конфликтогенной зоной. Каждый год, особенно в период весенних и осенних поливных работ, происходят приграничные конфликты, связанные с нарушением границ и распределением водных ресурсов.

Вторая зона конфликтов – Каспийское море. Область Каспийского моря интенсивно милитаризируется: прибрежные государства создают здесь военные флотилии, береговую охрану, укрепайоны и т. п. Договорно-правовая база по разделу этого крупнейшего в мире водоема с замкнутым контуром, которая удовлетворила бы все прикаспийские страны, так и не сформирована. Здесь сосредоточены крупные месторождения нефти и газа и важнейшие пути нефтегазового транзита, сходятся интересы как прикаспийских стран, так и глобальных акторов, включая США, Китай и страны ЕС, заинтересованных в освоении богатых природных ресурсов зоны Каспийского моря. Центральная Азия не становится пространством регионализации и интеграции, а местом геополитического разлома.

Итак, на фоне невыраженных интеграционных усилий стран центрально-азиатского субрегиона там существуют явные факторы, работающие против интеграции, среди которых: • слабость и коррумпированность экономик стран, усиление роли исламского радикализма в обществе; • внутри- и межгосударственные конфликты в Центральной Азии, чреватые для внешних акторов риском (соблазном) вмешательства; борьба за сферы влияния между ними; • источник современных технологий и методов управления, необходимых для глубокой модернизации, – не Россия, а Запад; в то же время Россия воспринимается как союзница авторитарных и коррумпированных режимов.

Страны Центральной Азии особо привлекательны для крупных держав мира. Влияние России в субрегионе пока наиболее заметное, но другие субъекты международных отношений наступают «на пятки». Налицо явное стремление Турции взять на себя особую роль регионального лидера в мусульманских государствах СНГ. Акцент делается на тюркские корни всех центральноазиатских стран, кроме Туркменистана. Активно действуют здесь и некоторые другие страны Среднего и Ближнего Востока, включая Иран, Пакистан и Саудовскую Аравию. Все контрастнее обнаруживаются интересы США. Заметную активность проявляет и Западная Европа, причем эта активность может резко возрасти в случае принятия Турции в ЕС.

Центральная Азия и Южный Кавказ могут стать маршрутом воссоздаваемого Великого шелкового пути: коммуникационных путей, которые свяжут Китай и Европу,

укрепив самое слабое звено сегодняшнего глобального рынка. Железные и шоссейные дороги, трубопроводы, авиационные маршруты, а также линии оптоволоконной связи резко ускорят и увеличат обмен товарами и информацией между рынками Европы и АТР, что будет иметь важнейшие геополитические последствия. Китай завершает постройку в Центральной Азии железной дороги, которая будет на несколько тысяч километров короче Транссиба. Воссоздание Великого шелкового пути будет альтернативой трансконтинентальному маршруту через Российскую Федерацию. Его возрождение обеспечит включение субрегиона в международное разделение труда. В зависимости от геополитической обстановки в Евразии маршруты трансконтинентальной дороги могут пойти в направлении из Китая в Европу севернее или южнее Каспия, обеспечив создание в Центральной Азии крупного коммуникационного узла.

Вопрос 5.10. Россия, Евросоюз и их общие соседи в современной геополитике

После распада Советского Союза страны Восточной Европы снова стали площадкой соперничества между Россией и Западной Европой, организованной под эгидой Евросоюза. Их общие соседи: Беларусь, Молдова и Украина оказались между двумя политическими образованиями, и им приходится реагировать на инициативы с обеих сторон. Исторические и культурные особенности, географические различия и другие факторы предопределяют их конкретные шаги. Но их региональные устремления не совпадают и не устоялись окончательно. Это делает проблемной разработку их собственной политики по отношению к своим мощным соседям и политики соседей по отношению к ним. Между всеми акторами существуют сложные взаимодействия интересов и целей. Оценка их политики требует понимания, тонкости и учета устремлений сторон, чего на деле бывает недостаточно.

Украина, Беларусь и Молдова, представляют собой контрастирующие примеры новых государств – бывших советских республик. В Украине было движение за независимость – мощное на западе страны и поддержанное сильным сообществом эмигрантов. Беларусь была и остается эмоционально и политически очень близка России, а потребность в независимости была слабой. В Молдове такая потребность не существовала, хотя, как и в Украине, недовольство Советским Союзом и его политикой, особенно, культурной, было сильным. Степень приверженности миру русского языка также варьировалась: сильная в Беларуси, резко разделенная в Украине, фрагментарная в Молдове. Отличалась и способность к независимому существованию: потенциально сильная в Украине и Беларуси, сомнительно – в Молдове. Исторические границы не были ни устоявшимися, ни полностью гарантированы, так как проложены сталинским режимом после Второй мировой войны отчасти искусственно. В рамках жестко контролируемой советской административной системы внутренние границы мало значили на практике: миграция поощрялась, а с ней – расширение русского культурного влияния. В то же время производственные цепочки связывали предприятия через границы республик.

Все страны-соседи сегодня испытывают ощущение «зажатости» между ЕС и Россией и необходимость отдавать приоритет одной из сторон. В этом смысле «Восточное партнерство» (ВП) – не есть выбор, к которому они были готовы безоговорочно. Только ясная перспектива вхождения в ЕС заставит Молдову и Украину отказаться от своих отношений с Россией. Фактически же все страны-соседи выразили намерение продолжить

сбалансированные отношения с обеими сторонами, заключая союзы, но при этом откладывая решение о полной приверженности той или иной стороне до тех пор, пока не поступят решающие предложения от ЕС или России. В Беларуси нет единого мнения о выборе направления, на котором приглушенно настаивают и Брюссель, и Москва. Одни представители белорусского руководства предлагают рассматривать Беларусь самостоятельно, а не как «мост или окно между двух цивилизаций», другие утверждают, что Беларусь должна «прийти в Европу» с Россией («мы слишком взаимозависимы, чтобы нас воспринимать отдельно»). В любом случае население Беларуси сильно ощущает принадлежность к региону, охваченному ВП.

В Украине Россию позиционируют потенциальным препятствием на пути ускоренного развития отношений с ЕС. Киев остро ощущает разногласия и конкуренцию в политике мощных соседей, давление которых в последние годы весьма усилилось.

В России Украина рассматривалась как братская нация, особенно в XIX в. о ней покровительственно говорили как о «Малороссии» – интегральной части русского мира. Но со времени Второй мировой войны осталась настороженность, когда гитлеровские войска приветствовались как освободители от советского (сталинского) ига многими жителями западной части Украины, включая Организацию украинских националистов и ее военное крыло – Украинскую повстанческую армию (УПА), возглавляемую Степаном Бандерой, воевавшую против нацистской и советской оккупации Западной Украины. Осужденный советскими и российскими властями, многими украинцами как военный преступник, Бандера был объявлен президентом В. Ющенко национальным героем, эту почесть осудили еврейские организации, и ее аннулировал президент В. Янукович. Украинское мнение разделилось после этой и других акций, которые рассматривались как «патриотичные» сторонниками независимости украинской нации, стремящейся в европейскую семью наций, но воспринимаемых как глубоко антирусские русскоговорящим населением на востоке. Этот вопрос обострился к 2013 г., а украинская национальная идентичность, и связанная с ней ориентация страны, все еще открыты влиянию и России, и ЕС. Неспособность «оранжевой революции» добиться устойчивого экономического положения страны и установить гарантированные демократические процедуры как норму политической жизни, ослабляет жизнеспособность Украины как национального государства.

В Молдове препятствие со стороны России не видится главным. Особую проблему активизации отношений с ЕС создает внутренняя ситуация в стране. Тормозящий фактор России тоже не снимается со счетов, поскольку она – ключевой игрок в урегулировании приднестровского конфликта – камня преткновения в процессе интеграции Молдовы в ЕС.

Каждая страна-сосед – пример трудности выбора, обусловленного давлением центров силы, России и ЕС, а также собственной неготовностью к окончательному решению в условиях отсутствия конкретных гарантий вступления в ЕС. При этом еврочиновники проповедуют, что партнерство с Россией не содействует модернизации в странах ВП. Такие стимулы «мягкой силы» вызывают не меньше политических разногласий, чем «жесткая политика» России.

Европейская политика соседства (ЕПС) Европейского союза вступила в силу в 2004 г. как следствие его расширения на восток. Она направлена на решение двух важнейших стратегических задач: избежать нанесения новых разделительных линий в Европе и содействовать стабильности и процветанию как в пределах ЕС, так и за его границами.

Вопреки достойным целям ЕПС базировалась на конфликтной логике. «Особые» или «привилегированные» отношения, лишённые перспективы членства в ЕС, оказались малопривлекательными. Неудивительно, что ЕПС вызвала неоднозначную реакцию у восточных соседей. В ответ 7 мая 2009 г. в Праге на саммите ЕС запущена инициатива ВП. Совместная декларация с шестью восточноевропейскими партнерами – Беларусью, Украиной, Молдовой, Грузией, Арменией, Азербайджаном – подписана ЕС с целью более тесного сотрудничества с субрегионом.

ВП предлагает весь спектр уникальных проектов, а также инструментов и ресурсов для экономической интеграции между ЕС и заинтересованными странами-партнерами. Инновационность программы состоит в применении двухвекторного подхода по отношению к странам субрегиона: а) углубление двусторонних отношений ЕС с заинтересованными сторонами; б) новые многосторонние отношения ЕС с теми странами, которые до этого не имели структурированных отношений с ЕС (например, Беларусь), а также развитие отношений внутри субрегиона. Конечная цель такого амбициозного подхода – создание в будущем совместного *Экономического сообщества соседства*. Инициатива очерчивает четыре тематические платформы – 1) надлежащее управление и демократия, 2) экономическая интеграция и сближение с политикой ЕС, 3) энергетическая безопасность и 4) межличностные контакты.

Однако в действительности, такую идею сложно реализовать, ибо на практике складывается партнерство, поощряющее трения. Основные проблемы ВП – в практических подходах ЕС: а) гегемония вместо партнерства, включающая встроенную силовую политику ЕС в отношениях со странами-соседями; б) постановка условий вместо согласования, ставящая под вопрос совместимость логики принуждения с согласием и равенством; в) двусторонний подход вместо многостороннего: преобладание фокуса ориентации на ЕС вместо регионального сотрудничества между государствами ВП; г) единый подход вместо дифференцированного, чтобы скрыть факт отсутствия ощутимых ресурсов ЕС на развитие соседства; д) геостратегическое видение вместо конструктивного, предполагающее конфликтные варианты взаимодействия ЕС со странами-аутсайдерами.

Помимо концептуальных проблем, ЕПС и ВП сталкиваются с трудностями практического характера. Из-за внутренних реформ, вызванных Лиссабонским договором, а также последствий глобального экономического и финансового кризиса, ЕС не располагает достаточными возможностями для решения проблем, связанных с реализацией программ ЕПС и ВП. Опираясь на политику ограниченного равенства и непроработанную концепцию партнерства, эффективным в субрегионе ВП не станет.

Но геополитическая реальность такова, что ЕС находится в состоянии расширения своего влияния, а Россия – в обороне. Субрегион от Беларуси через Украину, Молдову до Грузии борется с двойным геополитическим прессингом: со стороны Российской Федерации и Запада. Соперничество между ЕС и Россией имеет геополитическое измерение. Тут встречаются интересы экономические и стратегические, а смена геополитического равновесия в пользу одной из сторон изменит геополитический статус обоих конкурентов. Чем дальше ЕС будет расширяться, тем сильнее будет расти его геополитический потенциал. Это расширение уменьшает не только геополитический потенциал России, но и ее международный статус. Ее спасительным геополитическим проектом является доктрина «ближнего зарубежья» или СНГ. Доктрина означает

удержание влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве. В европейской части СНГ Россия соперничает с НАТО и ЕС, а на Кавказе и в Центральной Азии – также с НАТО и Ираном. Наиболее значительный натиск идет с европейской части со стороны ЕС.

Итак, кончина советской системы была, несомненно, событием мирового исторического значения, вследствие чего весь мир – прежде всего страны по соседству – все еще нуждаются в осознании и упорядочении. Этот процесс уже привел к политико-экономическому соперничеству между ЕС и Россией. По мере его углубления субрегион от Беларуси через Украину, Молдову до Грузии будет объектом все большего напряжения, непосредственно и сильно влияющего на мировую политику, региональную стабильность и внутривнутриполитическое состояние названных государств.

Вопрос 5.11. Проблемы геополитической самоидентификации на постсоветском пространстве

Постсоциалистическое пространство – геополитический термин, охватывающий группу прежних стран мирового лагеря социализма, где главную роль играл СССР. После его распада в 1991 г. социалистическое пространство распалось на несколько частей с весьма различной социально-политической и экономической ситуацией. *Первая из них:* страны Центральной (Средней) Европы, ранее суверенные государства (хотя и тесно зависимые от Советского Союза), члены ООН и ее специализированных организаций, претендующие на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. С годами они научились умело обходить жесткие требования лояльности со стороны руководства СССР и пользоваться возможностями, которые им предоставляло союзничество (обеспечение дешевыми нефтепродуктами, надежное международное положение, культурные связи, обмены, контакты и т. д.). Эта часть после распада СССР сориентировалась на Запад.

Вторая часть – постсоветское пространство: группа суверенных государств, образовавшихся на территории СССР, охваченная эйфорией независимости. Она пошла другим путем. Ее главной задачей стал поиск союзников и покровителей, которые обеспечили бы им выход из тяжелого социально-экономического положения, преимущественно за счет субсидий и займов в обмен на лояльность. *Третья часть:* Россия – наследница СССР – взяла на себя международные обязательства этого государства: невыплаченные займы, оказание военной, экономической и другой помощи молодым постсоветским государствам. Россия стала собственником всех советских зарубежных активов и отдельных объектов на территории бывших советских республик. Этот факт привел к бесконечным дразгам по поводу собственности бывшего Советского Союза.

Первое 10-летие прошло в суете и попытках прочертить линию собственного внешнеполитического поведения. Страны Средней Европы, Прибалтики (Балтии) ускоренным путем экономически интегрировались в Евросоюз. Это отвечало надеждам населения этих стран, рассчитывающего на повышение жизненного уровня. Вступлению этих стран в Евросоюз предшествовала военно-политическая интеграция: членство в НАТО. На этом особенно настаивали США, создав своего рода «политический предбанник» к членству в ЕС, где заявившие о вступлении государства соответствующим образом готовились политически, проходили испытание на лояльность, а практически поставляли свои воинские контингенты в горячие точки планеты согласно внешнеполитической стратегии США. Вашингтон нашел в этих странах рынок для

поставки своей военной продукции под видом перевооружения армии на стандарты НАТО. Все это делалось в долг, под льготные кредиты, но легло тяжелым бременем на экономику этих стран, подводя к ситуации экономической и политической зависимости от социально-экономической конъюнктуры Евросоюза и США. Внешняя политика этих стран оказалась подчинена стратегическим приоритетам евроатлантического сообщества. Интересной особенностью их внешнеполитического курса стало культивирование русофобии, ставшей компонентом общенационального сознания.

Беларусь, Украина, Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан, оказавшись между двумя геополитическими полюсами – Российской Федерацией, с одной стороны, и Западной Европой – с другой, маневрировали, то приближаясь, то удаляясь от них, пытались обрести для себя политические, а главное, экономические дивиденды. В этих маневрах меньше всего повезло Украине, где со сменой президентов происходила и смена курса: от осторожного и с оговорками союзничества с Россией до стремления к вступлению в Евросоюз и даже НАТО. Но ценой приема Украины безопасность своих отношений с Россией Европа разрушать не была готова. Результатом стал разрыв украинско-российских отношений, резкое ухудшение социально-экономического положения Украины.

1990-е гг. – время хаоса и грабежа на постсоветском пространстве; оно не оставило шансов на улучшение жизни, изначально обещанной под лозунгом «Вернемся в мировую цивилизацию и будем жить как все». Никто не объяснял это «как все»; эйфория надежд уже угасла к концу XX в., а первое 10-летие XXI в., ознаменовавшееся глобальным кризисом 2008–2010 гг., показало, что серьезных положительных сдвигов постсоветские трансформации не принесли ни одной из 2-й и 3-й групп. На постсоветском пространстве победная эйфория длилась меньше всего в России. Имя «Россия», в течение двух столетий означавшее огромную империю, а потом великую державу XX в., которая совместно с США поддерживала мировое равновесие во 2-й половине XX в., было изменено в Российскую Федерацию. Это – новое государство, протяженностью в 10 тыс. км с Запада на Восток, общей площадью 17 млн км². Однако СССР, с которым стало отождествляться имя России, занимал территорию 22 млн км². Трагедия распада СССР ощущалась прежде всего в Российской Федерации, которая оказалась в состоянии жесткого этнического противостояния на Кавказе, оживления националистических движений и стремления к самостоятельности ряда автономных республик, в хаосе разрушенной экономической системы и коррупции административно-управленческого слоя. Самым трагическим выражением национальных движений явились две чеченские войны, распространившие состояние военного положения на весь Кавказ, не ликвидированное до наших дней. Все происходило при общем недовольстве основной массы населения, увидевшей, что демократические лидеры, обещавшие быстрые и неожиданные перемены к лучшему, фактически обманули народ.

Весьма своеобразна *геоэкономическая самоидентификация* постсоветских стран. Мировая конъюнктура на рубеже XX и XXI вв. формировалась, в основном, отношениями купли-продажи нефти между США, Китаем, Россией, Саудовской Аравией. Розыгрыш энергетической карты серьезным образом изменил положение России в Европе и мире. В зависимости от нее оказались Беларусь и Украина, а со 2-й половины первой декады XXI в. энергетическая карта России стала использоваться для выравнивания ее отношений с Евросоюзом. В стране материальное положение широких масс населения заметно

улучшилось, однако зависимость от доходов нефтегазового экспорта фактически остановила экономическое развитие России: приватизация уничтожила значительную часть тяжелой промышленности, разрушила социальные системы, оставила на произвол судьбы инфраструктуру, в особенности, транспортную, и создала атмосферу «легкого благополучия». Население приучилось требовать повышения заработных плат без повышения производительности труда, и подачки, которые правительство давало в ответ на эти требования, создавали иллюзию непрерывного роста. Частный бизнес, выводя свои заработки за рубеж, проявил полную незаинтересованность и неспособность в креативных инвестициях, способных оживить экономическую конъюнктуру в стране.

Все это благополучие обрушилось глобальным кризисом 2008–2010 гг. Смена власти в 2008 г. мало изменила ситуацию к лучшему. На нее наложились в общем неудовлетворительная внешняя политика России, в результате которой отношения с Евросоюзом подвергаются огромному напряжению ввиду неурегулированности торгово-экономических связей, в основном, в области энергоресурсов. В отношениях с США незаметно больших успехов, а ситуация в СНГ продолжалась как «форма цивилизованного развода». В значительной степени сегодня Россия находится во внешнеполитической изоляции, не имея друзей и союзников, подвергаясь яростным нападкам малых стран, пользующихся покровительством США и НАТО, требующих пересмотра границ и выплаты Россией компенсации за дела и поступки Советского Союза. Программы модернизации, т. е. восстановления экономического потенциала России и совершенствование демократических форм правления, повышение общественной производительности могут стать выходом из существующего кризисного состояния. Россия – страна уникального модернизаторского опыта, которая в течение трехсот лет догоняет Запад. И хотя этого сделать пока не удалось, его исторический багаж мог бы сейчас быть востребован.

Отдельная группа на постсоветском пространстве – государства Центральной Азии и Южного Кавказа, а также юг России. Они идут своим путем; и здесь существует зона напряженности и нестабильности, охватывающая Кавказский субрегион длиной в 1250 км между Черным и Каспийским морями. Субрегион этнически мозаичен и охватывает семь автономных республик Российской Федерации, преимущественно мусульманских (за исключением Северной Осетии), а также три суверенные государства, ранее советские транскавказские республики (Армения, Азербайджан и Грузия). Ни в одной из стран не заметно существенного повышения материального положения граждан, хотя Азербайджан обладает значительными нефтегазовыми ресурсами, Грузия пользуется особым покровительством Соединенных Штатов, Евросоюза и НАТО, а Армения пытается регулировать старый спор между армянами и турками и развивать полноценные отношения с соседними странами. Им пока не удается играть заметную внешнеполитическую роль.

Субрегион Центральной Азии ограничен цепью горных хребтов, разделяемых глубокими ущельями, а на востоке одно из таких ущелий под названием Джунгарские ворота, в прошлом и сейчас служат транспортной развилкой. Через нее направляются потоки энергоресурсов из России и стран Каспийского региона в Китай и товарные потоки обратно. Руководители стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана) пытаются привлечь зарубежные инвестиции, хотя и с переменным успехом. Эти страны различны по территории и населению, представляют собой огромную протяженную зону сухого климата. 4 млн км² их территории включают

огромные пустыни, и в этой неблагоприятной в целом для сельского хозяйства зоне, испытывающей постоянную нехватку воды, проживают около 70 млн человек.

Геополитическое значение Центральной Азии – в огромных и слабо исследованных, но видимо, неистощимых энергоресурсах, запасах золота, меди и других полезных ископаемых. Сразу после объявления независимости на них обрушились хищные коммерческие интересы близлежащих и далеко лежащих стран – Китая, США, стран ЕС. Россия не смогла закрепить превалирующее влияние в постсоветскую эпоху серьезными экономическими и политическими проектами, ввиду чего в субрегионе ведется своя «большая игра». Каждое государство, в целях получения наибольшей выгоды от коммерческих проектов, проводит внешнюю политику из соображений конъюнктуры и выгоды правящей элиты, а население пребывает в нищете. В результате общественно-политическая ситуация взрывается мощными протестными движениями (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан), зреющими практически во всех государствах Центральной Азии.

Центрально-Азиатский субрегион за пределами конъюнктурных интересов экспорта энергоресурсов серьезных внешнеполитических задач перед собой не ставит. От долгосрочных, взаимовыгодных социально-экономических и политических проектов сотрудничества с Россией лидеры большинства этих стран уклоняются, в том числе – под давлением других государств, заинтересованных в своем господствующем положении. Немалую роль играет и опасение, что такое сотрудничество ограничит здесь всевластие сложившихся кланов и помешает реализации их желания вечного пребывания у власти.

Итак, на постсоветском пространстве Россия преодолевает последствия развала своих производственных структур, коррупции политической элиты, апатию населения. Правящая элита позиционирует Россию как мировую державу – этот статус ее предыдущей историей якобы задан на вечные времена. Но реальный разрыв с традициями и достижениями советской внешней политики сыграл негативную роль в формировании устойчивой внешнеполитической стратегии. Чрезмерная озабоченность демонстрацией бывшего величия мешает политическим элитам реально учитывать возможности России. Западные страны, в первую очередь США, сдерживают Россию во всех ее инициативах, упрямо игнорируют ее внешнеполитические интересы. «Перезагрузка» продвигается медленно, прерываясь явно враждебными акциями. Постсоциалистические государства Средней Европы ушли из региона, который могла бы организовать и возглавить Россия в целях совместного обеспечения своих внешнеполитических приоритетов и инициатив.

Сопредельные с Россией западные постсоветские страны неохотно интегрируются в региональную политику под эгидой Москвы; некоторые из них все прочнее включаются в геополитическую стратегию Атлантического сообщества. Практически все постсоветские государства опасаются проектов и акций России по реинтеграции ее «ближнего зарубежья» в формы, аналогичные Российской империи и Советского Союза. Постсоветские государства самостоятельно и серьезным образом вписаться в мировую ситуацию не способны. Создание общего региона внешнеполитических действий и общей экономической стратегии от Бреста до Владивостока и до Джунгарских ворот являет собой геополитический замысел российского руководства. Такое сотрудничество, по его мнению, благоприятно для находящихся здесь стран и наиболее адекватно задачам формирования их геополитической идентичности. Оно гипотетически возможно и, несмотря на имеющиеся разногласия, многие лидеры постсоветских стран его принимают. Однако на

его пути лежат немалые препятствия: противодействие уже существующих крупных геополитических образований, а также Индии и Китая, заинтересованных в двусторонних отношениях со странами, а не с крупным региональным центром этого региона.

Вопрос 5.12. Эволюция современных внешнеполитических векторов развития Украины

С весны 2014 г. Украина оказалась в центре мирового внимания из-за умышленной дестабилизации ее внутреннего положения внешними силами. Такая формулировка стала превалировать в международных анализах ее ситуации. Речь о внешнем вмешательстве во внутриукраинский конфликт, вызванный, минимум, двумя причинами: а) разросшейся до чудовищных размеров коррупцией во властных структурах, приведшей к очередному «майдану» (общественному протесту) и б) опрометчивыми решениями президента В. Януковича, устроившегося недопустимый торг с ЕС и Россией относительно вектора дальнейшей интеграции страны: в Евросоюз или в Таможенный союз под эгидой Москвы.

В момент свержения В. Януковича Кремль воспользовался политической нестабильностью Украины и присоединил Крым, входивший с 1954 г. в ее состав. Это вдохновило на ряд вооруженных акций пророссийские силы на юго-востоке Украины, поддержанные Россией. Требования сепаратистов сводились к предоставлению широкой автономии территориям Донецкой и Луганской областей; в ходе эскалации конфликта они переросли в попытки добиться федеративного устройства Украины. Были объявлены (но никем не признаны за рубежом) Донецкая и Луганская народные республики, названные в российских политических кругах еще досоветским термином «Новороссия». Вооруженные акции сепаратистов вылились в боевые действия на территории данных областей.

В отличие от России, использовавшей удобный момент для усиления своей гегемонии в регионе Восточной Европы, Запад оказался в замешательстве. При его попустительстве принятое по Украине четырехстороннее (Украина, ЕС, США, Россия) заявление в Женеве 17 апреля 2014 г. ограничивало суверенные полномочия Киева и не останавливало сепаратистов. В наиболее резких оценках этот документ окрестили как «Мюнхен-2014». Основанием для таких оценок послужили следующие положения: а) Украина де-факто согласилась на внешнее управление своим внутренним конфликтом со стороны Запада и России; б) в заявлении отсутствовало требование вывести с территории Украины российские войска; в) отсутствовала констатация о сохранении территориальной целостности Украины, в том числе, об аннексии Крыма; г) все сепаратисты получали амнистию и потенциально становились участниками переговоров о новой конституции «Федеративной Украины». Результатом процесса федерализации могла стать даже не «Федеративная Украина», а «Новороссия» от Харькова до Одессы.

После нескольких напоминаний были преданы забвению гарантии безопасности, данные Украине Великобританией и США согласно Будапештскому меморандуму 1994 г. Кстати, Россия тоже, как сторона меморандума, обязана воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины. Со всех сторон это выглядело предательством государственных интересов Украины. Все же в апреле 2014 г. МВФ объявил о предоставлении пакета помощи украинской экономике в размере 18 млрд дол. Вскоре обещанная сумма увеличилась до 27 млрд (из запрошенных Киевом 35 млрд) благодаря взносам ЕС и США. Но с

включением внешних акторов в принятие решений по Украине конфликт приобрел международные очертания. После того, как Россия в марте 2014 г. наложила вето на предложенный США проект резолюции Совета Безопасности ООН, касавшийся предстоящего в Крыму референдума о статусе автономии, КНР предложила выступить посредником и содействовать диалогу между сторонами. В Евросоюзе признали право украинской власти предпринимать силовые меры для защиты суверенитета государства. Известный журналист и аналитик Эдвард Лукас на страницах британской газеты «Daily Mail» заявил: «Надеюсь, что ошибаюсь, но историки когда-то могут назвать это началом Третьей мировой войны».

Менялась геополитическая карта Восточной Европы. Армения и Казахстан под давлением Кремля признали оккупацию Крыма; Беларусь поддержала позицию России в ООН. Среди настроенных пророссийски крымчан есть убеждение, что интеграция с Россией – залог богатства и высоких зарплат и что возвращение в СССР-2 мгновенно решит все проблемы. Нереальность этого видна хотя бы в том, с каким трудом богатый Евросоюз модернизирует и реформирует старые модели экономик в Средней Европе. Вряд ли Россия, не реформировавшая собственную экономику, сможет обеспечить развитие вновь возвращенных колоний. Свою власть Россия традиционно удерживала силой. Одновременно она будет стремиться к дальнейшей реализации интеграционных проектов, прежде всего, Евразийского экономического союза, и на первом месте там окажется ее политическая гегемония, а не экономическая целесообразность.

В течение 22 лет с момента приобретения Украиной независимости она представляла собой слабое и ограниченно дееспособное государство. Если вначале ее доход на душу населения равнялся среднему доходу в Беларуси, то в 2013 г. он составлял половину от показателей северной соседки. Географически Украина имеет наиболее протяженную общую границу с Россией. В этническом отношении русские представляют собой самое многочисленное меньшинство на Украине. В экономическом плане Россия является главным торговым партнером Украины, поставляя ей 60 % потребляемого украинцами газа и половину закупаемого сырья и покупая больше украинских товаров, чем любое другое государство. На каждую инициативу, в реализации которой США и Европа готовы помочь Украине, у России сразу найдется несколько способов помешать этому. Значит, если у Украины и есть шанс стать современной развитой страной, то для этого потребуется согласие и сотрудничество со стороны России, а также ее западных соседей.

Украина – расколота страна, причем не по языковому принципу. В XX в., в период между двумя мировыми войнами, на территории современной Украины сложились две идентичности, условно: «восточная украинская» и «западная украинская». Прилагательное «украинский» является ключевым для обоих типов. Идентичность восточного образца не воспринимает враждебно русских и Россию. Ее представители считают, что с русскими их объединяет общая история, в частности борьба против фашизма в годы Великой Отечественной войны. Для многих же представителей западной украинской идентичности русские – это «москальи». Учитывая эти реалии, аналитики называли шесть условий, способных помочь уладить конфликт на востоке Украины:

- во-первых, Украина должна подтвердить свою приверженность статусу «неизменно нейтрального государства, не принимающего участия в военных блоках», который

- закреплен в первоначальной версии Декларации независимости. То есть она не должна входить в состав ни НАТО, ни военного альянса под руководством России;
- во-вторых, Украина должна иметь возможность заключать экономические соглашения как с Евросоюзом, так и с Россией, но на недискриминационных условиях;
 - в-третьих, центральное правительство Украины должно передать часть полномочий регионам, позволив им самостоятельно избирать губернаторов (как это делается в современных странах) и принимать политические решения в интересах простых людей;
 - в-четвертых, Украина должна дать заверения придерживаться высоких европейских стандартов в вопросах защиты прав меньшинств, закрепленных в уставе Евросоюза, в том числе права отдельных регионов использовать русский в качестве второго официального языка в образовательных и деловых учреждениях.
 - в-пятых, при участии всех областей и под руководством ОБСЕ все группы «самообороны» и незаконные вооруженные формирования на всей территории Украины должны быть расформированы и разоружены. Всем тем, кто принимал участие в незаконных действиях, необходимо дать амнистию (за исключением тех, кто совершил уголовно наказуемые преступления, запятнав руки кровью).
 - в-шестых, как предложил новоизбранный президент Украины П. Порошенко, западные страны должны подписать соглашение, в котором будут учтены опасения Украины в вопросах безопасности и закреплена уважительное отношение к ее независимости и территориальной целостности.

Очевидно, за каждым из пунктов скрывается масса подводных камней. Каждый подразумевал компромисс между желаниями и обязательствами. Ни недавно избранный президент Украины, ни его западные коллеги не смогут принять аннексию Крыма Россией, несмотря на то, что в ближайшее время эту ситуацию невозможно изменить. Поэтому любое соглашение с участием России может стать мишенью для критиков, утверждающих, что оно позволяет вору сохранить добычу, полученную нечестным путем.

Со стороны НАТО не наблюдалось стремления активизировать процесс приема Украины в свои ряды, хотя альянс расширил географию войсковых учений. Масштаб боевых действий сепаратистов востока Украины при поддержке Кремля привел к ситуации, когда вероятность вступления Украины в НАТО оказалась равной нулю. Именно вступления Украины в альянс больше всего опасалась Россия с начала протестов на киевском Майдане, разгоревшихся в ноябре 2013 г. Кремль и дальше настаивает на отказе Украина от этих притязаний. Вооруженные столкновения на северо-востоке Украины дали президенту В. Путину необходимый козырь, который можно будет использовать, чтобы в конечном итоге обменять его на большую степень децентрализации власти.

Итак, попытки Украины сменить вектор внешнеполитического развития стали детонатором регионального украино-российского конфликта с вовлечением других международных акторов. В сознании властных элит России прочно засело великодержавное убеждение, что большая часть территорий, которые сегодня составляют Украину, принадлежали России после XVII в. – и они должны остаться таковыми. Исторические аналогии подсказывают, что переделы мира обычно заканчиваются глобальными войнами. Процесс, запущенный Москвой, имел, минимум, три варианта развития событий. *Первый*, самый пессимистический, – это очередная мировая война. Империи живут, пока они расширяются, и можно предположить, что Россия не остановится

(скорее всего) на аннексии Крыма, ее дальнейшее расширение может спровоцировать мировой вооруженный конфликт. *Второй* сценарий менее пессимистичен. Он предполагает восстановление советской империи как евразийской на основе Беларуси, юго-восточной части Украины, части Молдовы, кавказских республик и государств Центральной Азии. Жизнеспособность такой империи, которая вберет себя далеко не благополучные территории, при постоянном давлении Запада, будет затруднительной. И наконец, *третий*, также менее пессимистический вариант. Имперская политика в течение ближайших 3-5 лет истощит и окончательно подорвет экономику России, что приведет ее к социально-политическому кризису и распаду нынешних интеграционных процессов.

Вопрос 5.13. Мировая реакция на усиление геополитической роли Российской Федерации

Процессы вокруг Украины с осени 2013 г. свидетельствуют, что в субрегионе Восточной Европы изменяется система связей, оформляется новая структура региона ЦВЕ, Европы и, возможно, мира. Эти процессы обусловлены столкновением геополитических интересов Запада и России. Стремление Украины принципиально сменить вектор внешней политики с преимущественно восточного на западный вызвало жесткую реакцию России, усиливающей темп воссоздания статуса мировой державы и строительства системы зависимых государств по периметру своих границ. Шаги Москвы не эксклюзивны: региональные союзы часто создавались таким же образом и ранее. Но реальные действия перешагнули уровень втягивания Украины экономическими и/или политическими методами в региональную группировку и вылились в силовое давление.

В марте 2014 г. Россия ввела войска в Украину, включив в свой состав украинский Крым, а затем стала вооружать и поддерживать материально сепаратистов юго-востока страны в их вооруженных действиях с правительственными войсками Украины. Она заложила юридические основания для возможного поглощения Украины или ее частей. Весной 2014 г. Государственная дума приняла закон, который предусматривает порядок вхождения иных государств или их частей в состав Российской Федерации. Закон по времени скоррелирован с дестабилизацией внутреннего положения Украины.

Главной фактор-причиной тектонических геополитических трансформаций на постсоветском пространстве, глубинно лежащих в основе кризиса на Украине (так же как и вооруженного конфликта в Закавказье 08.08.2008), являлось безудержное расширение НАТО на восток (Венгрия, Чехия, Польша в 1999 г., Болгария, Латвия, Литва, Румыния Словакия, Словения, Эстония в 2004 г. и Албания, Хорватия в 2009 г.), вплотную к границам РФ. Ослабленная новая Россия долгое время ничего не могла с этим поделать.

Второй важнейший фактор нынешней российской державной, силовой политики в «ближнем зарубежье» – известный, но недооценённый на Западе (и в США, НАТО, и Евросоюзе) феномен «вставания России с колен». Первая «ласточка» его стратегического проявления – война с Грузией в августе 2008 г., в результате которой Южная Осетия и Абхазия были включены в рамки российского политического поля. Происходящее в Украине стало подобно тем закавказским событиям, в которых Западу (США/НАТО) не удалось стратегически удержать нерушимость постсоветской территории.

Третьей ключевой фактор-реальностью стало восстановление мощи российских вооруженных сил на основе развития пока прежнего промышленно-технологического

потенциала. Благодаря принятым решениям Кремля предполагается, что к 2015–2020 гг. Россия сможет бросить вызов любой державе, которая попытается проектировать свою силу в обширном евразийском регионе, даже Соединенным Штатам.

Четвертый фактор-перспектива – Украина как фантом. Как ни парадоксально, России не столь и нужна сама Украина; она – инструмент к превращению Российской Федерации в новую супердержаву, равную Соединенным Штатам. Державу, которая диктует судьбы миру, самостоятельно распоряжается международным правом, решает, какими быть границам государств, в какие политические союзы им входить, с кем дружить и враждовать. Державу, которая восстанавливает «историческую справедливость». Но в стратегическом плане очевидна цель расчленения Украины. Взяв Украину серпом снизу, Россия врезается в тело Центральной и Восточной Европы. Полностью контролирует Черное море, Молдову, выходит на Болгарию. Украина превращается в третьестепенное, отсеченное от моря государство без какого-либо серьезного экономического потенциала.

Мировые оценки этих событий продемонстрировали осуждение действий российского руководства. Наиболее критичные аналитики называли следующие:

1 Россия отныне будет восприниматься на международной арене как ненадежный партнер, склонный к игнорированию международного права и достижению своих целей путем применения силы; 2 неизбежная смерть СНГ и Организации договора о коллективной безопасности. Все государства-участники этих структур теперь поймут, что Россия не будет соблюдать правил и не остановится перед интервенцией, если сочтет свои интересы ущемленными; 3 кризис «Евразийского проекта» (ЕАЭС) вследствие недоверия к России со стороны его участников. Попытки переиграть последствия распада СССР создают новые угрозы для всех постсоветских государств. Эти угрозы особенно значительные для тех стран, которые сильно зависят от Москвы; пространство их суверенитета сильно сужается; 4 постепенная дезинтеграция Русской православной церкви Московского патриархата, поддержавшей интервенцию в Украину. Теперь страны, имеющие православные общины, будут считать структуры РПЦ на их территории потенциальной угрозой их суверенитета; 5 негативное отношение всех стран к размещению российских военных баз на своей территории; 6 серьезные и долгосрочные экономические потери России ввиду недоверия к ней как к партнеру; 7 обострение внутрироссийских проблем, в том числе усиление внутреннего сепаратизма.

Антироссийские оценки сводились к тому, что стремление возродить утраченное величие сыграло с Россией недобрую шутку. Вместо осознания причин произошедшего российская политическая элита пытается вернуться к управлению миром, уже/еще не имея для этого достаточных оснований. России пора сосредоточиться на своих реальных проблемах: борьбе с демографическим кризисом, смягчении диспропорций заселения европейской и азиатской части, осмыслении последствий стремительной исламизации своего населения. Бесконтрольность российской власти привела к фантастической коррупции, которая усугубляет все проблемы. Но сегодняшняя политика страны направлена на решение внешних, а не внутренних проблем. В результате за последнее десятилетие испорчены отношения практически со всеми странами-соседями (даже в Таможенном союзе наблюдался дефицит взаимного доверия).

По мнению оппонентов, концепция «Русского мира» за границами России могла бы принести стране пользу, если бы основывалась на трезвом понимании реальной ситуации.

Армения, Польша, Украина и др. используют возможности бывших соотечественников для пользы своих стран, но не в ущерб интересам стран, где те живут. Попытки России стимулировать нелояльность «русскоязычного населения» других стран к своим правительствам приносят всем очевидный вред. Российской политической элите стоит увидеть реальную ситуацию: Россия сегодня больше не мировой лидер, и заставить мир вращаться вокруг себя уже не может. Если Москва сосредоточится на решении самых важных внутренних проблем, ей станет ясно, что ЕС и США – никакие не враги, а естественные партнеры. Особенно перед лицом реальных угроз.

Мировые центры анализа усматривали низкую вероятность третьей мировой войны, но усматривали в действиях России в Украине агонию международного права. Кремль пренебрег суверенитетом Украины под ширмой права народов на самоопределение. Но на этнически смешанных территориях Крыма, Донецкой и Луганской областей предоставлять русскому населению право на самоопределение вплоть до создания национально-государственных образований не было оснований. Сепаратизм части населения юго-востока Украины подменялся борьбой за право на самоопределение. Международное право в постбиполярный период превратилось в сугубо ситуативный аргумент, повод крупным державам для односторонней реализации своих интересов.

В ответ на политику Москвы в крымском вопросе европейские лидеры 18 марта 2014 г. приостановили членство России в G-8. Великобритания призывала исключить Россию из ряда международных организаций, ибо ее действия нанесли ущерб ее международной репутации, в частности – при голосовании за осуждающую Россию резолюцию в Совете Безопасности ООН в марте 2014 г. ни одна другая страна не поддержала позицию российской стороны. Мировая реакция давала основание полагать, что каждый шаг по усилению геополитической роли России отныне будет поставлен под жесткий международный контроль. Западные аналитики пророчили начало новой холодной войны, сутью которой станет противостояние западного мира и России. Страны-соседи России были обеспокоены осознанием истинной подоплеки украино-российского кризиса. Имперские амбиции проецировались на Беларусь, северные районы Казахстана, в Литву, Латвию, Эстонию (весной 2014 г. в некоторых районах Эстонии активизировались русскоязычные представители, заявив о желании провести референдум).

На фоне холодных отношений с США и Европой Москва усиливала внешнеполитическую активность со странами БРИКС. Большинство левых правительств стран Центральной и Южной Америки, включая Бразилию, критически настроены по отношению к американской версии свободной экономики и всегда противостояли США. В. Путин использовал антиамериканские настроения на саммите БРИКС в июле 2014 г., чтобы через сотрудничество со странами Латинской Америки преодолеть изоляцию и сдерживать США, Европу и Японию, продолжавшие вводить экономические санкции против России. Не все страны БРИКС разделяли взгляды Москвы. Индия заявила о разнонаправленной внешнеполитической деятельности, включая и контакты с США. В действиях китайских политиков прослеживался намек на конкурентную борьбу с Россией за страны Центральной и Южной Америки.

В сути поступков и действий России министр иностранных дел РФ С. Лавров обвинил Запад. «Вместо равноправного строительства единого пространства безопасности от Лиссабона до Владивостока, – заявил он в мае 2014 г., – Запад пошел по пути простого

продвижения сферы своих интересов на Восток и упустил возможность создания «большой Европы». Приверженность этой линии, – констатировал С. Лавров, – привела западных политиков к важной ошибке: «Вместо того чтобы заняться продвижением естественной, идущей от жизни задачи гармонизации интеграционных процессов Европы и Евразии, были предприняты попытки поставить государства на постсоветском пространстве перед жестким выбором между Западом и Востоком». На Украине такого давления оказалось достаточно для возникновения «масштабного кризиса государственности».

Итак, потенциальное включение Украины в сферу геополитических интересов Запада вызвало сопротивление России. Свою доктринальную задачу «собираания постсоветского пространства» под своей эгидой Россия в середине 2010-х гг. стала решать силовыми способами, включив в свой состав часть суверенной территории соседнего государства (Крым, Украина). Тем самым Кремль вышел за допустимые международно-правовые рамки действий по оформлению ЕАЭС путем равноправных договоров. Современный мир уже отошел от силовых захватов с целью расширения собственной территории за счет других субъектов международных отношений. Для XXI в. подобные действия – пример атавизма прошлых эпох и пренебрежения канонами современной геополитики, в центре внимания которой является государство как целостность и как субъект международного права.

Тема 7.

Геополитическая трансформация под эгидой Европейского союза

Вопрос 7.1. Региональные аспекты геополитики и геостратегии ЕС

Европа – традиционно наиболее влиятельный регион мира. С одной стороны, западноевропейскому сообществу, наиболее развитому на континенте, удалось достигнуть такого уровня сплоченности, когда политика отдельных государств, особенно ее внешнеполитический сегмент, мало отличается друг от друга. С другой – влиятельность европейского региона на мировые проблемы исходит из его экономической мощи, обусловленной консолидированным выбором прогрессивной экономической модели.

Из множества интеграционных проектов лишь два предполагают политическую интеграцию государств-участников вплоть до создания надгосударственных органов: это Европейский союз (ЕС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). ЕАЭС – пока перспективный геополитический проект. С европейским лидерством отождествляется ЕС.

Главный и уникальный аспект европейской геополитики: евроинтеграция под эгидой Европейского союза. Она воплощается в наднациональных структурах, получивших полномочия как от национальных органов власти стран-членов Евросоюза, так и напрямую – от самих граждан этих государств. Европейское единство превратилось в реальный фактор не только региональной, но и глобальной политики. Однако многое решает степень этого единства, точнее, последовательные шаги по его углублению. Во многом это объясняется возрастающей сложностью согласования национальных интересов. Более рыхлую интеграцию в формате Европейского Экономического Сообщества в составе шести членов было легче обеспечить, чем ввести единые жесткие экономические, политические и социальные стандарты для почти тридцати государств.

Второй аспект геополитики Евросоюза: проблема оптимального сочетания национальных (региональных, локальных) и наднациональных властных прерогатив.

Несмотря на консенсус, спор между сторонниками *федеративной модели* (наднациональной централизации) и *конфедеративной структуры* (сохранение существенной части полномочий за национальными правительствами) не завершен.

На столкновение национальных и наднациональных подходов влияет стремление ряда внутригосударственных регионов получить максимальный объем властных полномочий. Прерогативы национальных органов власти размываются как «сверху» (усилением наднациональных структур), так и «снизу» (вследствие роста самостоятельности регионов). Сложившаяся ситуация не способствует монолитности Евросоюза, требуя дополнительных громоздких процедур согласования интересов.

Ситуация в ЕС осложняется отсутствием ярко выраженного интеграционного лидера. На эту роль наиболее реально могла бы претендовать ФРГ. Однако при всей своей экономической мощи Германия имеет лишь количественное, но не качественное преимущество над другими ведущими западноевропейскими государствами (прежде всего, Францией и Великобританией). А для единоличного лидерства необходимы: внушительные политический и стратегический потенциалы и явное экономическое превосходство, как, например, превосходство Соединенных Штатов Америки в рамках Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА).

Растущее социально-экономическое единство Европы требует высокой степени внешнеполитической защиты от целого ряда угроз европейской безопасности. И это – *основная геостратегическая задача* объединенной Европы. Проблему пытаются решить через увязку процесса расширения Евросоюза с расширением НАТО. Решение осложняется: а) потребностью реформирования Североатлантического союза (его расширение в формате «холодной войны» существенно подорвет саму общеевропейскую идею) и б) поиском нового разделения ответственности между США – бесспорным политическим и военно-стратегическим лидером альянса – и их европейскими партнерами.

Европейцы предпринимают усилия по адаптации НАТО к новым реалиям, даже пытаясь вовлечь Россию в его деятельность. Альянс встал на путь трансформации из военно-политической в политико-военную структуру. Как следствие, Соединенные Штаты теряют интерес к НАТО и больше опираются на собственную стратегическую инициативу.

Недостаточная согласованность европейской внешней и оборонной политики и нарастающее военно-технологическое отставание европейских государств от Америки выдвигают *вторую задачу геостратегии ЕС: преодоление зависимости европейской безопасности и, следовательно, уровня евроинтеграции от США*.

Третья геостратегическая задача объединенной Европы заключается в необходимости уравновесить национальные и общие интересы. Пока перевешивают национальные, что обусловлено борьбой за европейское лидерство в области безопасности. Пример тому – соперничество одного центра евроинтеграции: франко-немецкого тандема (к тому же не свободного от франко-немецкой евроконкуренции), с другим центром – своеобразной англо-итало-испанской «Антантой», за которой просматривается стратегия США не допустить слишком самостоятельной Европы.

Четвертая геостратегическая задача: необходимость смягчить нарастание проблем при проведении единой европейской внешней политики и политики в сфере безопасности по мере принятия ряда стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в ЕС.

Пятая геостратегическая задача: поиск путей гармонизации взаимодействия стран Средней Европы с государствами Восточной Европы (участниками СНГ), прежде всего, с Россией, т. е., сотрудничества двух субрегионов единого региона ЦВЕ.

Третий аспект геополитики Евросоюза – преодоление существенного разрыва в уровне развития между ведущими государствами Евросоюза – Германией, Францией, Великобританией (до Брексита) – и такими странами, как Греция, Испания и Португалия, а также почти все новопринятые члены. Высок риск образования группы членов Евросоюза «второго сорта», что затормозит процесс достижения общеевропейского единства.

Таким образом, по мере качественного усиления и пространственного расширения евроинтеграции параллельно нарастают геополитические и геостратегические проблемы. Нет оснований прогнозировать откат назад. Но несмотря на поступательный ход евроинтеграции, будет сохраняться – и временами даже усиливаться – европейская несогласованность по целому ряду конкретных проблем. В свою очередь, это означает сохранение зависимости Европы и европейских государств от других ведущих держав.

Вопрос 7.2. ЕС и страны Восточной Европы

Формирование устойчивого внимания Европейского союза к странам СНГ (Восточной Европы) и оформление его в конкретную политику породило новую геополитическую реальность. Суть ее заключается в стремлении стран, составляющих ядро ЕС, преобразовать постсоветское пространство в соответствии со своими потребностями и интересами. Результаты установления системных отношений на базе европейских правил и стандартов носят промежуточный и далеко не однозначный характер.

Хронология. В истории взаимодействия Евросоюза и стран СНГ можно выделить несколько значимых этапов. *Первый этап* – это 1990-е гг., когда отношения между ЕС и СНГ оформлялись системой двусторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Начало *второго этапа* – 2004 г., тогда в состав Евросоюза приняты 10 новых членов. Содержательное направление получил новый формат отношений: политика «добрососедства» или «европейского соседства». Он предусматривал постепенную адаптацию «новых соседей» к европейским нормам и стандартам без членства в ЕС, хотя и оставлял для стран-соседей «дверь в ЕС полуоткрытой». В системе отношений 1-го 10-летия XXI в. на первое место выдвигалась миссия Евросоюза по «европеизации соседних государств ради стабильности, безопасности и процветания Европейского континента».

Третий этап – начало реализации проекта «Восточное партнерство» Евросоюза в 2008 г. Главная цель проекта: сближение ЕС с шестью странами СНГ: Беларусью, Украиной, Молдовой, Азербайджаном, Арменией, Грузией. Усилилось и внимание Евросоюза к государствам Центральной Азии.

Начало *четвертого периода* относится к 2010 г. Формально его выделяют последствия мирового экономического кризиса, ослабившие финансово-экономическую составляющую «Восточного партнерства» и уровень сотрудничества стран-партнеров. Кроме того, усилилась интеграционная активность России, Беларуси и Казахстана, что породило новую волну интереса к проектам в странах СНГ.

Типология. Политика ЕС на восточноевропейском пространстве обладает набором общих принципов и подходов, но неоднородна. Страны СНГ в их отношениях с ЕС можно

разделить на несколько групп. При этом регионально-территориальный аспект играет не главную роль.

В первую группу «*претенденты на членство*» следует включить Украину, Молдову и Грузию. Вторая группа – страны, находящиеся с Евросоюзом в отношениях «*добрососедского партнерства*»: Казахстан, Киргизия, Армения, Азербайджан. Группу «*осторожное сотрудничество*» составляют Таджикистан и Узбекистан. Самостоятельное место в отношениях с ЕС занимают: *Россия* как самая крупная и влиятельная страна СНГ. *Туркменистан*, провозгласивший во внешней политике принцип нейтралитета; он остался за порогом внимания Евросоюза; *Беларусь*, к политическому режиму которой у ЕС особые претензии и которая сама в отношениях с ним пытается занимать активную позицию своей ролью возмутителя спокойствия. В отношениях с ней Брюссель испытывает дискомфорт и вынужден регулярно корректировать собственную политику.

Декларации, принципы и реальная политика. Согласно доктрине добрососедства, ЕС развивает с соседними странами привилегированные отношения в целях создания пространства процветания и добрососедства, которое основано на его ценностях и характеризуется тесными и мирными отношениями, базирующимися на сотрудничестве (Договор о Европейском союзе 1992 г.). Евросоюз и страны СНГ подписали множество договоров о сотрудничестве, разработан обширный инструментарий и инвестированы огромные средства с целью устойчивой ориентации стран СНГ на европейские стандарты.

Вместе с тем в реализации программы «Восточное партнерство» довольно существенный конфликт интересов из-за стремления усилить антироссийский вектор. Главный акцент Европейской политики соседства (ЕПС) в субрегионе – выстраивание «особых» отношений со странами СНГ и недопущение формирования их регионального союза под эгидой России. Объявив главной целью ЕПС создание мирной и процветающей Европы «без разделительных линий», Брюссель на деле выстраивает новый раздел на европейском и евразийском пространстве – между Россией и другими странами СНГ.

Претендентам на вступление в Евросоюз Брюссель предъявляет ряд требований, выполнение которых является обязательным условием, в частности: а) осуществление реальных реформ в области экономики, б) создание прозрачной бизнес-среды, в) принятие закона о недискриминации религиозных и сексуальных меньшинств, г) защита прав национальных меньшинств, д) ликвидация коррупции, е) решение спорных территориальных проблем (если таковые имеются), ж) обеспечение гарантий неангажированности государства в общественное телевидение и радио, з) либерализация рынков и пр.

Европейский союз создал свою систему отношений, в которой *взаимодействует с постсоветскими странами поодиночке*. Не учитываются даже союзнические реалии Беларуси и России. Союзное государство практически не фигурирует в официальных документах европейской дипломатии. Россия и Беларусь рассматриваются как разные направления и имеют разную концептуальную основу. Отношения с Россией выделены в отдельную категорию и формально не входят в ЕПС, а исходят из концепции создания «четырёх общих пространств» (экономическое сотрудничество, внутренняя безопасность, внешняя безопасность, сотрудничество в сфере образования и культуры). Беларусь же включена в программу «Восточного партнерства» в рамках Европейской политики соседства. Перспективы вступления Беларуси в ЕС в обозримом будущем не

рассматриваются. Беларусь поставлена в один ряд с Ливией и Сирией в группе «ЕПС – предстоящий путь».

В структуре внешней политики ЕС в самостоятельную категорию могут выделяться не только группы государств (страны «Восточного партнерства», Южный Кавказ, Центральная Азия), но и отдельные части самостоятельных государств (Северный Кавказ). Факт их выделения свидетельствует, что ЕС может в любой момент актуализировать это направление. На фоне дестабилизации Украины с весны 2014 г. Европейский союз признал, что самым крупным вызовом для его внешней политики на ближайшие годы станет Россия.

ЕС, объединяющий менее половины стран географической Европы, маркирует все свои объекты понятием «европейский»: «европейские ценности», «европейские стандарты», «европейские программы» и т. д. «Европейские» – а не «союзные» или «евросоюзные», как стоило бы обозначить. Брюссель утверждает свою смысловую монополию на «европейскость» и статус арбитра в вопросах: что приличествует стране, находящейся в Европе, а что нет. В сущности, Европейский союз в этом преуспел.

Вопрос 7.3. Проблемы геополитической безопасности ЕС

В основе угроз лежат человеческие расчеты. На них оказывает серьезнейшее влияние готовность и способность противоположной стороны оказывать сопротивление, гарантировать собственную безопасность. Способность Евросоюза оказывать сопротивление разного рода угрозам регламентируется Общей европейской политикой безопасности и обороны (ОЕПБО). В начале XXI в. она выступает одной из главных составляющих европейской системы коллективной безопасности.

Развитие Общей европейской политики безопасности и обороны прошло 4 этапа. *Первый* этап – формирование правовых основ Общей европейской политики безопасности и обороны (1993–1998). Маастрихтский договор включил в компетенцию ЕС вопросы формирования общей оборонной политики и общей обороны государств-членов. *Второй* этап – конкретизация и детализация правового регулирования ОЕПБО в правовых актах институтов ЕС (1999–2002). Начиная с 1999 г., институты ЕС подробно регламентируют условия и порядок проведения Европейским союзом военных операций и иных мероприятий в рамках ОЕПБО. Установлен правовой статус специализированных органов и учреждений ЕС в военно-политической сфере. *Третий* этап ознаменовался началом практической реализации ОЕПБО (2003–2009). Предпринятые на втором этапе усилия нашли подтверждение в Ниццком договоре 2001 г., вступившем в силу в 2003 г., а также в Европейской стратегии безопасности 2003 г. По Ниццкому договору Евросоюз стал с 2003 г. самостоятельно осуществлять военные операции по урегулированию кризисов. Этот этап ознаменовался также сотрудничеством в военно-технической сфере. *Четвертый* этап развития ОЕПБО связан с вступлением в силу Лиссабонского договора (1 декабря 2009 г.). Данный договор о реформе ЕС расширил и конкретизировал полномочия ОЕПБО.

В рамках Общей европейской политики безопасности и обороны на данный момент ЕС не занимается исключительно проблемами оборонного характера, а охватывает, кроме них, такие сферы, как:

- миротворчество и иные операции по урегулированию кризисов, проводимые военными или невоенными средствами;

- формирование Сил быстрого реагирования ЕС для проведения различного рода миссий в третьих странах;
- модернизация военной техники, мероприятия в области военного образования и др.

Для реализации ОЕПБО сформирован разветвленный аппарат. В него входят: Комитет по вопросам политики и безопасности, Военный комитет и Военный штаб Европейского союза, Спутниковый центр ЕС, Институт по исследованиям проблем безопасности ЕС и др. Современная доктрина европейской безопасности акцентирует союзничество в военно-политической сфере не на создании «классических» военных структур, а на развитии механизмов решения задач активного (в том числе и военного) вмешательства в урегулирование кризисных ситуаций как на европейском континенте, так и в других регионах мира. Стержень ОЕПБО – миротворчество, поддержание мира и проведение операций по урегулированию кризисов.

Проблемой геополитической безопасности ЕС оказалось то, что расширение ОЕПБО привело к ограничению роли НАТО, утратившей монополию на проведение миротворческих операций в евроатлантическом регионе из-за создания Евросоюзом собственных Сил быстрого реагирования. Произошло нежелательное для Запада свертывание функций альянса, хотя военная зависимость ЕС от НАТО сохранена: Евросоюз использует для проведения военных операций Генеральный штаб объединенных вооруженных сил НАТО в Европе. Между ними заключены соглашения «Берлин плюс» от 17 марта 2003 г. Европейские лидеры не призывают США увеличивать военные расходы. Евросоюз встал на путь самостоятельного противостояния России, но при этом по-прежнему прячется под крылом Америки.

Тревожный сигнал, ассоциирующийся с угрозой безопасности Евросоюзу, подают и США, ослабляя влияние собственной европейской политики. Эти тенденции объясняются: • стремлением США решать международные проблемы с помощью силы в одиночку, игнорируя суверенитет тех стран, которые с американской точки зрения, представляют угрозу США; • неприятием Европой принципа единоличного лидерства США и поддержкой ею многополярности современного мира; • ростом разногласий в оценке моделей социально-экономического развития (США – капитализм в классическом воплощении; в Европе социально-демократическая модель); • уменьшением значимости Европы в списке приоритетов американской внешней политики и национальной безопасности; • смещением интересов США в сторону внеевропейских регионов (Азиатско-Тихоокеанский регион, Центральная Азия, Ближний Восток); • ослаблением американского влияния на Европу в связи с растущей оппозицией военным кампаниям США в Ираке, на Ближнем Востоке, острой критикой американской администрации и падением ее рейтинга, что приводит к уменьшению политических ресурсов США в Европе; • осознанием европейским сообществом усиления роли своего континента на фоне ее падения для США.

Европейскому союзу нужна новая стратегия. Он должен заново проанализировать, как меняется мир, и разработать новые принципы и доктрины, чтобы руководствоваться ими при проведении своей внешней и оборонной политики. А для этого нужна военная мощь. Но в поведении европейских стран и дипломатов слаб тренд на безопасность, преобладает меркантилизм их лидеров, которые дерутся между собой в Пекине и в странах Персидского залива за инвестиции и экспортные заказы. Если Соединенные Штаты видят в Азии проблемы безопасности, то европейцы замечают там только огромный рынок. Германия поставляет туда оружие, как будто это просто дорогие станки.

Геополитическую неустойчивость ЕС вызывают два фактора. Первый – внешний: Россия, заявившая о праве на европейские ценности, добивается их корректировки в соответствии со своими представлениями, интересами, традициями. Второй – внутренний: после расширения на восток Евросоюз постепенно осознал, что он не такой, как прежде. Пополнившись восемью новыми членами, ЕС стал разнородным в социальном, культурном и региональном отношениях. Дисбаланс предопределяет разбежность интересов и расхождение взглядов. Неудача с Европейской конституцией подтверждает, что смена идентичности Союза не произойдет безболезненно. Некоторые члены уже поднимают свой голос, требуя больше национального суверенитета и нарушая единство внешней политики. Обсуждается даже отказ от общей валюты.

В сравнении с достигнутым уровнем мирового экономического влияния геополитическая безопасность Евросоюза остается несбалансированной и неустойчивой.

Вопрос 7.4 Политика партнерства и соседства ЕС

Расширение Европейского союза, появление на его восточных границах новых соседей, а именно России, Украины, Беларуси, Молдовы, а также государств Южного Средиземноморья, потребовало от Евросоюза выработки новых подходов к осуществлению взаимодействия с этими странами. В отношениях с ними приоритетными областями ЕС назвал сферу общей внешней политики и политики безопасности, а также вопросы торговли и экономического развития. Ряд документов определяет взаимодействие ЕС с новыми соседями; среди них: концепция «Большая Европа – соседство: новый подход к взаимоотношениям с нашими восточными и южными соседями» (принята 11 марта 2003 г.), а также документ «Об основах нового инструмента политики соседства» (1 июля 2003 г.) и стратегия «Европейская политика соседства» (12 мая 2004 г.).

С целью приобщения третьих стран ЕС использует инструменты взаимодействия, создавая со странами, не входящими в его состав, свободные зоны торговли, заключая соглашения о таможенном союзе, развивая региональное сотрудничество при помощи подписания партнёрских соглашений и соглашений об ассоциации. Все формы взаимодействия содействуют распространению на третьи страны свободного движения товаров, услуг, капиталов и людей. Масштабная европейская политика соседства (ЕПС) – эффективный инструмент вовлечения соседних стран в орбиту ЕС. ЕПС реализуется благодаря наличию специальных финансовых фондов Евросоюза не только с целью развития добрососедских отношений, но и для приобщения к его нормам.

После 2004 г., когда в ЕС практически одновременно вошли 10 стран Центральной и Восточной Европы, перед Евросоюзом встал вопрос выстраивания отношений со странами своего нового «ближнего зарубежья». Их примером служит региональное сотрудничество: на востоке от ЕС – это государства-участники Содружества Независимых Государств, на юге и юго-востоке – государства Средиземноморского и Черноморского регионов кроме Мальты и Кипра, вступивших в ЕС в 2004 г., и Турции – официального кандидата на вступление. Условием отбора участников ЕПС является наличие двустороннего базового соглашения о сотрудничестве с ЕС. Для государств СНГ – это соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), для государств Средиземноморья – соглашения об ассоциации

(СА), для некоторых стран Черноморского региона – соглашения о партнерстве, для других – соглашения об ассоциации.

В ЕПС участвуют 16 стран-соседей. Девять из них – средиземноморские, участвующие в Барселонском процессе: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Палестинская администрация, Сирия и Тунис. Ливия тоже принимает участие. Шесть стран – восточные партнеры, а именно Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина. Балканские государства не включены в ЕПС, поскольку еще в декабре 2002 г. Европейский совет подтвердил, что страны Западных Балкан (участвующих в Пакте стабильности для Юго-Восточной Европы) могут в перспективе стать полноправными членами Евросоюза. После того как в 2007 г. в состав Евросоюза вошли Румыния и Болгария, он стал шире использовать элементы ЕПС в отношениях с третьими странами Черноморского региона. Для Средиземноморских и других неевропейских государств участие в ЕПС – это предел их сотрудничества с ЕС, так как по ст. 49 Договора о ЕС на полноправное членство могут претендовать только европейские государства.

Цель ЕПС – создание зоны стабильности и безопасности по периметру внешних границ ЕС. Для этого взят курс на приобщение государств-соседей к политическим, экономическим и правовым стандартам Евросоюза с введением элементов интеграции, но без перспективы полноправного членства в обозримом будущем. По формуле Романо Проди, бывшего Председателя Европейской комиссии: ЕПС призвана создать по внешним границам ЕС «кольцо друзей» и предложить им разделить с Евросоюзом «все, кроме институтов». «Все, кроме институтов» – это всемерное приобщение соседних государств к экономической и политической интеграции с Евросоюзом не затрагивая их ценностей.

Основные проблемы функционирования ЕПС: • после 2004 г. количественное расширение объявлено невозможным в обозримой перспективе, но логика расширения продолжает действовать; • прошлые события и текущее состояние дел между Россией и Европейским союзом показывают, что эти два центра конкурируют за геополитическое влияние на постсоветском пространстве, прежде всего – в Украине, Беларуси и Молдове. Несмотря на то, что Евросоюз является главным торговым и внешнеполитическим партнером РФ, Россия не забывает про свои стратегические интересы в «ближнем зарубежье». Политические элиты России негативно отзываються о программе ЕПС, а общественное мнение выявляет критическое отношение к Украине, Грузии и Молдове, которые открыто поддержали курс на сближение с ЕС. Российское общественное мнение следует в фарватере внешнеполитического курса правительства.

Но сама Россия – официальный партнер ЕС. Еще в июне 1994 г. на острове Корфу российский президент Б. Ельцин и главы государств и правительств стран-членов ЕС, а также председатель Еврокомиссии подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Прошло еще 3 года, прежде чем СПС вступило в силу. Его значимость бесспорна. Это наиболее широкомасштабное соглашение между Россией и ЕС из всех, которые когда-либо подписывались СССР и Россией с западноевропейскими государствами и международными организациями. Оно опирается на следующие основные положения: • партнерский характер отношений, подразумевающий согласованность действий для достижения общих целей и наличие общих принципов (укрепление политических и экономических свобод, развитие демократии, социально-ориентированная рыночная экономика); • обеспечение политического диалога, экономического, социального,

финансового и культурного сотрудничества, базирующегося на принципах взаимной выгоды, ответственности и поддержки; • содействие торговле, инвестициям и гармоничным экономическим отношениям; создание условий для учреждения в будущем зоны свободной торговли между Россией и ЕС, реализация свободы учреждения компаний, содействие трансграничной торговле услугами и движению капитала.

В последующем *расширение ЕС и НАТО на Восток* радикально изменило геополитическое положение России в зоне ЦВЕ. Общая граница между ЕС и Россией стала протяженнее. Традиционные связи России со странами ЦВЕ подверглись существенной деформации. Хотя в долгосрочной перспективе единые правила конкуренции, торговли и транзита, стабильные схемы расчетов и защита интеллектуальной собственности, которые предложил Евросоюз России – благоприятные для российской экономики, все же общие опасения российского руководства в связи с расширением ЕС связаны, прежде всего, с увеличивающимся разрывом между объединяющейся Европой и Россией.

Брюссель обеспокоен, что Россия разделяет Европу на «старых» и «новых» членов ЕС и НАТО, а Россию раздражает стиль альянса работать за «закрытыми дверями» в решении проблем безопасности всего евроатлантического региона. Между тем, *Общее пространство внешней безопасности* нацелено на улучшение сотрудничества в сфере внешней политики и безопасности при сохранении ведущей роли ООН, ОБСЕ и Совета Европы. Россия и ЕС должны стремиться объединить усилия для предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов и восстановительной работы после конфликтов.

Нарастающие проблемы евроинтеграции открывают для *Республики Беларусь* благоприятные перспективы и одновременно создают проблемы. С одной стороны, нюансы общеевропейской политики дают возможность гибко согласовывать белорусские интересы с интересами европейских партнеров. С другой, прослеживается тенденция сделать из официального Минска «мальчика для битья», когда на примере Беларуси Брюссель демонстрирует единство европейской позиции по каким-либо негативным проблемам (как правило – по развитию политической демократии и правам человека).

Беларуси необходимо активизировать свое участие в общеевропейских интеграционных процессах. И поскольку евроинтеграция все глубже охватывает именно внутригосударственные структуры, белорусская вовлеченность в объединяющуюся Европу лежит через адаптацию экономических, политических и социальных структур к европейским стандартам. Это – во-первых. А во-вторых, Минску следует исправлять наметившийся перекос во взаимодействии России с ЕС: все чаще Москва минует на этом пути Беларусь и использует напрямую страны Балтии и Польшу. В рамках белорусско-российской интеграции Минск вправе рассчитывать на совместное с Москвой участие в общеевропейских процессах и роль основного партнера России на западном направлении.

На сегодняшний день из четырех вероятных векторов *перспективного расширения Евросоюза* наиболее реальным является балканский – вариант для него самый тяжелый. Осознание этого факта заставляет европейских политиков избегать упоминания точных сроков реализации этого процесса. Однако его неизбежность в перспективе 10-15 лет (при условии сохранения интеграционного процесса как такового) несомненна.

Итак, геополитическая трансформация под эгидой Европейского союза изменила «под себя» экономическую и политическую картину в мире и на континенте. Устойчивость интеграционного процесса в рамках ЕС достигается за счет его неуклонного

поступательного развития как вглубь, так и вширь. Однако экономические и политические издержки расширения существенно затормозили интеграционный процесс. На доведение до требуемой кондиции стран-претендентов и стран-партнеров от ЕС требуются все более значительные затраты – как финансовые, так и политические.

Одновременно с явными прорывными успехами в политико-экономической сфере ЕС остался ведомым игроком в военно-политических вопросах, и к тому же создал за десятилетия удобную традицию избегать излишних военных затрат и перекладывать на плечи НАТО основной груз стратегических решений в области безопасности и обороны. Непрерывающиеся конфликты в зоне интересов Евросоюза побуждают еврочиновников к пересмотру действующей ОЕПБО. Вероятно, кризис вокруг Украины ускорит актуализацию данной политики.